

Министерство образования и науки Российской Федерации государственное
образовательное учреждение высшего профессионального образования
«Красноярский государственный педагогический университет
им. В.П.Астафьева»

Институт (Факультет) филологический факультет
Кафедра современного русского языка и методики

Чжао Ляньшэн

МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ

Тема Лингвокультурные стереотипы в языковой модели мира

Направление 440401 Педагогическое образование

Магистерская программа Технологии обучения русскому языку и литературе
в полиэтнической и поликультурной среде

Допущена к защите
Заведующий кафедрой

к.ф.н., доцент Бебриш Н. Н.

(ученая степень, ученое звание, фамилия, инициалы)

(дата, подпись)

Руководитель магистерской программы
д.ф.н., профессор Осетрова Е. В.

(ученая степень, ученое звание, фамилия, инициалы)

(дата, подпись)

Научный руководитель
к.ф.н., доцент Гришина О. А.

(ученая степень, ученое звание, фамилия, инициалы)

(дата, подпись)

Студент

Чжао Ляньшэн

(фамилия, инициалы)

(дата, подпись)

Красноярск 2015

Оглавление

Введение	3
Глава 1. Сибирский лингворегион как составная часть языковой модели мира	
1.1. Понятие «модель мира».....	6
1.2. Исторический аспект образа сибиряка	14
1.3. Сибирь как лингворегион	22
1.4. Лингвокультурологические аспекты изучения языка	32
1.5. Понятие стереотип в лингвокультурологии	37
Глава 2. Лингвально-ментальный образ сибиряка	
2.1. Образ сибиряка в мировой литературе	40
2.2. Лексико-семантические группы автостереотипа сибиряка.....	45
2.3. Культурно-маркированная лексика гетеростереотипа китайца в описании сибиряка	49
2.4. Оценочная лексика в автостереотипе китайца.....	59
2.5. Словесный образ китайца в гетеростереотипе сибиряка	63
Заключение.....	71
Список литературы	75
Приложения	82

Введение

Актуальность работы состоит в том, что исследование ориентировано на новое направление современной лингвистики – линвокультурологию, в центре внимания которой находятся особенности восприятия окружающего мира представителями разных культур и их отражение в языке. В связи с масштабностью материала для изучения линвокультурологией, возникает потребность в исследовании конкретных составляющих языковой модели мира.

Изучением теоретических основ и конкретных образов языковой картины мира занимаются такие ученые, как Апресян Ю.Д. [1986, 1995], Карасик В.И. [2004], Колшанский Г.В. [1990], Красных В.В. [2002, 2003], Леонтович О.А. [2005], Маслова В.А. [2001], Тер-Минасова С.Г. [2000], Цивьян Т.В. [2006] и др.

Несмотря на наличие довольно большого массива научных исследований, связанных с проблемой изучения конкретных составляющих языковой модели мира, многие объекты и субъекты остаются неизученными, в частности – образ сибиряка.

Цель работы – описать линвокультурные стереотипы сибиряка и китайца в языковой модели мира.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**:

- 1) раскрыть сущность понятия «языковая модель мира»;
- 2) охарактеризовать Сибирь как лингворегион;
- 3) выявить этностереотипы сибиряка и китайца в диалоге культур *Россия-Китай*;
- 4) проанализировать культурно-маркированную лексику авто- и гетеростереотипов;

Объектом изучения является автостереотип и гетеростереотип образа сибиряка и китайца.

Предмет изучения – языковые средства выражения и создания стереотипов.

Материал исследования – краеведческая литература (работы Быкони Г.Ф., Щапова А.П., Щукина Н.С.), мемуарная литература («Специалист в Сибири» Р. Волтерса), анкеты китайских и русских студентов.

В ходе работы были использованы следующие **методы**:

- описательный;
- сравнительно-сопоставительный;
- лингвокультурологический;
- метод анкетирования;
- статистический

Практическая значимость магистерской диссертации заключается в том, что материалы исследования могут быть использованы в преподавании таких дисциплин, как этнолингвистика, лингвокультурология, региолингвистика, психоллингвистика, социология, краеведение, а также методика преподавания РКИ.

Работа прошла апробацию на VII международной студенческой научно-практической конференции «Международная коммуникация в науке, культуре и образовании» (22 апреля 2014 г., г. Санкт-Петербург), на X I Региональных студенческих научных чтениях, посвященных памяти В.И. Даля (13-15 ноября 2014 г., г. Канск), на XV международном научно-практическом форуме студентов, аспирантов и молодых ученых «Молодежь и наука XX I века» (15-17 июня 2014 г, Красноярск.), на международном симпозиуме «Language, Culture and Literature» (3 июля 2014 г., г. Красноярск), на международной на V Международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Социализация и межкультурная коммуникация в современном мире». (24-25 апреля 2015 г., г.Красноярск.).

По материалам исследования опубликовано 4 статьи:

- 1) Образ сибиряка в языковой модели мира// Материалы VII международной студенческой научно-практической конференции “Международная коммуникация в науке, культуре и образовании”. – Санкт-Петербург. 2014. – С. 62-63.
- 2) Словесный образ китайца в гетеростереотипе сибиряков // Всероссийские с международным участием научные Далевские чтения молодых исследователей. – Канск. 2014. – С. 272.
- 3) Образ сибиряка в языковой модели мира // XV международный научно-практический форум студентов, аспирантов и молодых ученых , Молодежь и наука XXI века. – Красноярск. 15-17 июня 2014 г.
- 4) Культурные стереотипы и коммуникация (на материале анкетирования русских и китайских студентов)//V Международная научно-практическая конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Социализация и межкультурная коммуникация в современном мире». – Красноярск. 24-25 апреля 2015 г. – С. 162-168.

Магистерская диссертация состоит из введения; теоретической, практической глав; заключения, списка литературы, приложения.

Глава 1. Сибирский лингворегион как составная часть языковой модели мира

1.1. Понятие «модель мира»

Термин «модель мира» широко употребляется в различных дисциплинах (физика, философия, психология и др.) и, соответственно, имеет разнообразные трактовки. В языкознании он появился относительно недавно, но получил достаточно широкое употребление в современных направлениях лингвистики. В связи с этим возникают проблемы при попытке получить общепризнанное определение понятия.

Обозначенная проблема привлекает внимание таких лингвистов, как Ю.Д. Апресян, Г.А. Брутян, С.А.Васильев, Г.В. Колшанский, Н.И.Сукаленко, Т.Г. Утробина, Т.В. Цивьян, М. Блэк, Д. Хаймс, Чжао Айго(КНР), Дай Чен(КНР), Пэн Вэньчжао(КНР). Вследствие чего и появились различные концепции, в которых совокупность знаний о мире, запечатленных в языковой форме, называется по-разному: «языковой промежуточный мир», «языковой образ мира», «языковая репрезентация мира», «языковая модель мира», «языковая картина мира». Существование такого количества терминов наводит на мысль о степени их идентичности.

Интерес к языковой картине мира обнаруживается еще в работах В.фон Гумбольдта, который писал, что различные языки являются для нации органами их оригинального мышления и восприятия [Постовалова, 1987: 68]. Гумбольдтовская идея «языкового мировидения» получила развитие в современном неогумбольдтианстве. Национальное своеобразие языковой картины мира рассматривается ими не как результат длительного исторического развития, а как изначально данное свойство языков. По их мнению, люди с помощью языка создают свой особый «субъективный» мир, отличный от того, который их окружает. Следует подчеркнуть, что не язык создает эту субъективную картину мира, а человек с помощью языка.

В работах Г.А. Брутяна, посвященных анализу и характеристике указанных понятий, понятие «языковая модель мира» является одной из составляющих понятия «картина мира», но означает то же понятие, что и «языковая картина мира». Чжао Айго [2004], «Реальный» языковой модели мира, а основное внимание «виртуальная культура или мировая концепция. Дай Чен [2001], Модель мира не имеется в виду «Личное понимание спикра», а включены в языковых единиц и их сочетаний в типе понимания. Пэн Вэньчжао [2003], Модель мира является выражениями картины мира, символическим, семантическим в языке, который формируется в сумме языкового сообщества с внешним миром понятия и знания. Специалисты в области психолингвистики – А.А.Леонтьев [2003], Н.В.Уфимцева и др. – полагают, что понятия «картина мира», «модель мира», «образ мира» близки, если не синонимичны.

В.А. Маслова утверждает, что термин «языковая картина мира» – это не более чем метафора, ибо в реальности специфические особенности национального языка, в которых зафиксирован уникальный общественно-исторический опыт определенной национальной общности людей, создают для носителя этого языка не какую-то иную, неповторимую картину мира, отличную от объективно существующей, а лишь специфическую окраску этого мира, обусловленную национальной значимостью предметов, явлений, процессов, избирательным отношением к ним, которое порождается спецификой деятельности, образа жизни и национальной культуры данного народа. [Маслова, 2001: 66].

Некоторые ученые – Г.В. Колшанский, В.А. Маслова – в какой-то степени отвергают существование языковой картины мира, но следует уточнить, что споры ведутся только относительно термина «языковая картина мира», а не понятия, поскольку сам факт отражения общественно-исторического опыта, быта, культуры и особенностей мышления человека в языке остается неопровержимым [Салихова, 2003: 8].

Ознакомившись с некоторыми теоретическими представлениями, мы пришли к выводу, что оба термина имеют право на существование и в определенных контекстах со специальными оговорками могут использоваться как взаимозаменяемые, выбор между ними является сугубо индивидуальным и зависит исключительно от исследовательской позиции автора. В данной работе мы будем использовать понятие «языковая модель мира» академика Ю.Д. Апресяна, который считал, что каждый естественный язык отражает определенный способ восприятия и организации (концептуализации) мира. Выражаемые в нем значения складываются в некую единую систему взглядов, своего рода коллективную философию, которая навязывается в качестве обязательной всем носителям языка. Свойственный данному языку способ концептуализации действительности отчасти универсален, отчасти национально специфичен, так что носители разных языков могут видеть мир немного по-разному, через призму своих языков. С другой стороны, языковая картина мира является «наивной» в том смысле, что во многих существенных отношениях она отличается от «научной» картины. При этом отраженные в языке наивные представления отнюдь не примитивны: во многих случаях они не менее сложны и интересны, чем научные [Апресян, 1986: 32].

В содержательном плане модель мира ориентирована на описание основных параметров вселенной – пространственно-временных, причинных, этических, количественных, семантических, персонажных и др. Для представления этого комплекса разработана система бинарных оппозиций. Их набор обычно включает в себя 10-20 пар противопоставленных друг другу признаков, имеющих соответственно положительное и отрицательное значения. Эти оппозиции связаны: со структурой пространства – *верх/низ, небо/земля, земля/подземное царство, правый/левый, восток/запад, север/юг* и др.; со структурой времени – *день/ночь, свет/мрак, лето/зима, весна/осень* и т.д.; с цветом – *белый/черный, красный/черный* и т.д. , с оппозицией *природа/культура – мокрый/сухой, сырой/ вареный* и т. д., с социальными

категориями – *мужской/женский, старший/младший* (в разных значениях – возрастном, генеалогическом, общественном), *свой/чужой, близкий/далекий, внутренний/внешний* (две последние относятся к пространству, в данном случае метафорическому) и др. [Цивьян, 2006: 5]

На основе этих наборов двоичных признаков конструируются универсальные знаковые комплексы, с помощью которых и воспринимается мир. Универсальные знаковые комплексы модели мира реализуются в различных кодовых системах, основой которых могут служить разные фрагменты, персонажи, объекты мира, так формируются астральный, вегетативный, зооморфный, антропоморфный, гастрономический, цветовой, числовой, музыкальный и другие коды. Сосуществование в модели мира разных кодов, каждый из которых имеет свою, определенную область действия, подразумевает иерархическую классификацию. Весь этот сложный комплекс на семантическом уровне един, поскольку он описывает один и тот же объект – мир с точки зрения одного и того же субъекта – человека.

Анализ структуры модели мира и структуры языка обнаруживает соответствие набора универсальных семиотических оппозиций модели мира набору языковых (лексико-семантических, грамматических) категорий, предполагающее взаимодействие структур в обоих направлениях: от модели мира к языку и от языка к модели мира. Последнее означает не только то, что модель мира может быть описана с помощью языка, но что она может быть описана по принципу языка, например, с выделением грамматики и словаря.

В основу положена идея о возможности представления текста (в том числе и текста модели мира) через комплекс составляющих его семантических полей. При этом оказывается, что пространственно-временное поле, представленное, в частности, в виде словаря, т.е. списка соответствующих лексем, обладает высокой степенью автономности и образует наиболее специфическую картину семантической парадигматики текста.

«Пространственно-временной» словарь имеет следующий состав: элементы ландшафта (поле природы), определяющие горизонтальное и вертикальное членение мира – *небо, земля, вода, гора, пещера, река, море, озеро, поле, лес, дорога, перекресток* и т.д.; элементы пространства, связанные с человеком (поле культуры), места поселения, виды построек – *страна, город, деревня, площадь, улица, дом, храм, дворец, мельница, лавка* (торговые и прочие заведения), *амбар, хлев* и т.д., вплоть до элементов интерьера; элементы времени – *утро, день, вечер, ночь, полночь, рассвет, закат, времена года*; единицы времени – *год, век* (человека) и т.д.

Самая яркая черта словаря – номенклатурность и абстрактность: входящие в него лексемы почти теряют собственное значение и приобретают значимость в пределах иной системы, связанной непосредственно с моделью мира.

Антропоцентричность модели мира выражается в ее ориентации на человека; человек же, в свою очередь, ориентирует свою жизнь на модель мира.

Если говорить о модели мира, то имеет смысл обращаться к системе языка – или к языку как знаковой системе. При сопоставлении модели мира и языка на уровне категорий, набор универсальных семиотических оппозиций модели мира сопоставляется с набором грамматических категорий языка. Это сопоставление начинается с тех оппозиций, которые совпадают лексически или выглядят лексическими синонимами: *мужской/женский* в модели мира – *мужской/женский* (род) в языке; *один/много* в модели мира – *единственное/множественное* (число) в языке; *живой/мертвый* в модели мира – *одушевленный/неодушевленный* в языке; ось *прошедшее-настоящее-будущее* в модели мира – система *времен* в языке и т.д., и т.п. Такого рода сопоставление, как будто, показывает, что на стороне модели мира располагается ярко выраженная конкретность и буквализм, а на стороне языка – абстрактность, понятийность. Модель мира описательна, язык же концептуален [Цивьян, 2006: 14].

Исключительное место языка в системе кодов модели мира обуславливается следующими свойствами:

1. язык (и только язык) может описать модель мира во всей ее совокупности и с любой степенью подробности;
2. язык может описать не только свою собственную модель мира, но и любую другую (чужую);
3. язык служит посредником при переходе с одного кода модели мира на другой.

Положение «язык как код модели мира» обращает к анализу комплекса *язык-мышление-мир* и к вопросу о том, как осуществляются их взаимные влияния. Этот вопрос сейчас притягивает к себе особенное внимание в общей теории коммуникации, в философии языка, в социолингвистике, психологии, в функциональной лингвистике, лингвистической семантике и т.д. При этом одной из наиболее принятых и удобных точек отсчета является гипотеза Сепира-Уорфа. Сепиловская философия языка основана на знаковой теории, полагающей, что любое знание есть интерпретация. Уорф же придерживается исключительно позитивистского взгляда на язык как на карту территории, где отражены соответствия между языком и реальностью; язык призван сегментировать подвижное лицо природы. Лингвистическая теория Сепира была основана на тройном понятии знака, и в связи с этим вопрос методологии был в его трудах центральным: все, что касается значения элементов культуры, зависит от культурных контекстов, которые должны быть изучены, определены и учтены. Сепир считал языки элементами культуры, он видел во всех действиях человека и в артефактах символические формы, являющиеся одновременно и орудиями и результатами. Этот диалектический подход является сердцевиной сепиловского понимания лингвистики как «орудия в науках человека». Сепир и его последователи рассматривали жизнь человека «в зеркале культуры» (метафора Кассирера). И для Сепира, и для Кассирера язык

конструирует, а не просто отражает, при этом реальность же представляется не данной, а усвоенной [Сепир, 1993: 32-34].

В проекции на модель мира язык выступает в двойном аспекте:

- 1) язык как метакод модели мира;
- 2) язык как самостоятельный код модели мира, которым может быть записана вся модель мира в полном объеме; в этом случае слияние знака и денотата будет максимальным. Выше говорилось о том, что языковой код – единственный из кодов модели мира, который способен адекватно описать и другую, т.е. чужую модель мира. Следует учитывать и то, что описание чужой модели мира может быть эскизным, с неточно расставленными акцентами, с невольной ориентацией на свое.

Современные представления о языковой картине мира выглядят следующим образом.

Язык – составная часть культуры, которую мы наследуем, и одновременно ее орудие. Культура народа вербализуется в языке, именно язык аккумулирует ключевые концепты культуры, транслируя их в знаковом воплощении – словах. Создаваемая языком модель мира есть субъективный образ объективного мира, она несет в себе черты человеческого способа миропостижения [Сукаленко, 1992: 59].

Данную точку зрения разделяет В.А. Маслова: «Языковая картина мира – это общекультурное достояние нации, она структурирована, многоуровнева. Именно языковая картина мира обуславливает коммуникативное поведение, понимание внешнего мира и внутреннего мира человека. Она отражает способ речемыслительной деятельности, характерной для той или иной эпохи, с ее духовными, культурными и национальными ценностями» [Маслова, 2007: 74].

Е.С. Яковлева под ЯКМ понимает «своего рода мировидение через призму языка» [Яковлева, 1994: 73].

Ю.Н. Караулов утверждает, что «языковая картина мира» - это «взятое во всей совокупности, все концептуальное содержание данного языка» [Караулов, 1996: 34].

Понятие наивной языковой картины мира, как считает Ю.Д. Апресян, «представляет отраженные в естественном языке способы восприятия и концептуализации мира, когда основные концепты языка складываются в единую систему взглядов, своего рода коллективную философию, которая навязывается в качестве обязательной всем носителям языка».

Языковая картина мира является «наивной» в том смысле, что во многих существенных отношениях она отличается от «научной» картины. При этом отраженные в языке наивные представления отнюдь не примитивны: во многих случаях они не менее сложны и интересны, чем научные. Таковы, например, представления о внутреннем мире человека, которые отражают опыт интроспекции десятков поколений на протяжении многих тысячелетий и способны служить надежным проводником в этот мир [Апресян, 1995: 39].

Языковая картина мира, как отмечает Г.В. Колшанский, базируется на особенностях социального и трудового опыта каждого народа. В конечном счете, эти особенности находят свое выражение в различиях лексической и грамматической номинации явлений и процессов, в сочетаемости тех или иных значений, в их этимологии (выбор первоначального признака при номинации и образовании значения слова) и т.д. В языке «закрепляется все разнообразие творческой познавательной деятельности человека (социальной и индивидуальной)» [Колшанский, 1990: 33].

Итак, понятие «языковая модель мира» включает две связанные между собой, но различные идеи: 1) картина мира, предлагаемая языком, отличается от «научной» и 2) каждый язык рисует свою картину, изображающую действительность несколько иначе, чем это делают другие языки. Реконструкция ЯКМ составляет одну из важнейших задач современной лингвистической семантики. Исследование ЯКМ ведется в двух

направлениях, в соответствии с названными двумя составляющими этого понятия. С одной стороны, на основании системного семантического анализа лексики определенного языка производится реконструкция цельной системы представлений, отраженной в данном языке, безотносительно к тому, является она специфичной для данного языка или универсальной, отражающей «наивный» взгляд на мир в противоположность «научному». С другой стороны, исследуются отдельные характерные для данного языка концепты, обладающие двумя свойствами: они являются «ключевыми» для данной культуры и одновременно соответствующие слова плохо переводятся на другие языки: переводной эквивалент либо вообще отсутствует (как, например, для русских слов *тоска, надрыв, авось, удаль, воля, неприкаянный, задумчивость, совестно, обидно, неудобно*), либо такой эквивалент в принципе имеется, но он не содержит именно тех компонентов значения, которые являются для данного слова специфичными (таковы, например, русские слова *душа, судьба, счастье, справедливость, пошлость, разлука, обида, жалость, утро, собираться, добираться, как бы*).

1.2. Исторический аспект образа сибиряка

Так как модель мира формируется на протяжении всей жизни народа, то целесообразно будет начать с исторического аспекта образа сибиряка.

«Сибиряк» представляется как собирательный образ человека, прежде всего, мужчины, который силен и крепок не только физически, но и обладает широким спектром морально-этических норм и устоев, которые в целом определяют его нравственный облик. Сибиряк – не только здоровяк, крепыш, но и труженик, семьянин с чистой душой. Значимым становится морально-нравственное содержание образа сибиряка, которое раскрывает его как целостного человека. В то же время сибиряк – это не идеализированный образ, это человек со своими слабостями, основное из которых алкогольная зависимость [Андюсев, 1990].

Историк Н. И. Козьмин считал, что уже к середине XVII в. Начал складываться этнографический тип сибиряка, как тогда выражались "сибирянина". В "Краткой Сибирской Летописи" можно найти слова о том, что "прежде всего попечение иметь мы должны в том, чтобы сибирство наше пребывало вовеки". Во 2-й половине XIX в. идеологами областнического движения были сформулированы положения о сибирской общности и сибирской самобытности. Г. Н. Потанин считал Сибирь особым "физическим организмом": "У территории Сибири все-таки свой физический организм, и люди, живущие в зависимости от этого особого организма, должны чувствовать солидарность между собой и в то же время чувствовать, что эта солидарность связывает их между собою прочнее, чем с жителями других областей империи" [Козьмин, 1983].

Чертами самобытности Сибири считались: отсутствие капиталистических отношений; представление о крае, как о крестьянской общности, где господствовали народные общественные начала; бесклассовость, социальная однородность, демократизм; наличие особого типа сибиряка; игнорирование этнических разграничений. Вероятно, основаниями сибирской идентичности в тот период могли являться: 1) общность территории; 2) общность исторического прошлого; 3) региональные (областные) интересы; 4) психологические черты населения. Этнографический тип сибиряка, психологические черты жителя Сибири оказывались интереснейшим индикатором сибирской региональной идентичности. Понятие "этнографический тип сибиряка" не вызывал больших дискуссий [Щапов, 1988].

Сибирь в своем русском населении представляет этнографический тип, которого нельзя отождествить с господствующим типом русской народности в Европейской России, и что в русском населении Сибири мало-помалу сложился особый характер, физический и бытовой. Но строго научно вопрос о типе, представителе определенной общности, как о единой модели, и не может быть поставлен. В процессеопределения "стандартизированной

идентичности" социальные характеристики не должны быть жесткими, но в меру гибкими [Ядринцев, 1988].

Всякий, даже поверхностный наблюдатель скажет, что сибиряк во многом отличен от своего собрата "великоросса", от русского человека, писал уже в 1917 г. И. И. Серебрянников, краевед и общественный деятель.

Большинство историков и этнографов считают, что преобразование русского человека в сибиряка происходило с самого начала освоения этой весьма отдаленной части государства. Только к началу XVIII в. население этого края "устоялось", смешавшись отчасти по окраинам с коренными народностями Сибири. В этот период оно состояло из потомков землепроходческо-казачьих групп, наполовину из крестьян, остальную часть составляли коренные жители Сибири. Кроме того, были и случайные элементы, перебравшиеся сюда из центра страны. Сибирская общность в фазе ее становления формировалась в соответствии с реалиями жизни основных социальных групп населения: "государевой службой", "государевым тяглом", домашним укладом, личной психологией, верой, мировоззрением, интересами. И титанический труд их, и создаваемая ими социальность стали фундаментом. Первое соответствует понятию "тип сибиряка". О типе сибиряка говорили и спорили, часто употребляли это словосочетание в досоветский период, когда представителя сибирской общности можно было попытаться подвести под "тип", т. е. сибирская субъективность была тогда достаточно выражена [Щапов, 1973: 56].

Второе содержание - индикатор сибирской идентичности в современных условиях - "сибирский характер". Это скорее не аналог характера землепроходца, а больше слово, полуметафора, фрагмент и недоминирующая переменная, которая вобрала в себя "осколки" типа; о последнем же в наше время речи идти не может: слишком изменилось как население Сибири, так и России; и то и другое приобрело новые социальные качества, формируемые соответственно новому социальному настрою. "Сибирский характер" сегодня выступает символом сибирской

самобытности, постепенно исчезающей. Первым красноярцам «более всего были присущи мужество, стойкость, развитое чувство товарищества и собственного достоинства, непокорность, несдержанность в гневе, легкое отношение к имуществу, свободное отношение к женщине» - отмечает красноярский историк Н.С. Щукин [Щукин, 1965: 55].

Историк А. П. Щапов отмечает своеобразную ментальность сибиряков, независимую от российского менталитета. Так, в системе ценностей ментальной модели мира в сознании старожильского населения Приенисейского края, одной из важнейших была ценность свободы. «Сибиряки склонны жить без излишнего вмешательства властей и закона они порицают те нововведения, что ограничивают свободы» - отмечал А.П. Щапов [Щапов, 1973: 56]. Князь П.Д. Горчаков, генерал-губернатор Сибири писал: «Здесь поселяне, выросшие в полной *независимости*, мало знакомы с нуждой».

В выраженном чувстве собственного достоинства в ментальности старожила нами выявлена двойственная позиция. Во-первых, современники XVIII – XIX вв. отмечают выраженную негативную реакцию на малейшее покушение на достоинство личности, многочисленные судебные разбирательства «за обиды, оскорбления». Н.М. Ядринцев свидетельствовал: «Сибирский крестьянин ведет себя непринужденно и развязно, чувствует себя равноправным, он смело входит в комнату, подает вам руку, садится с вами за стол ». Рапорты сельских старшин непременно завершались выражением, отнюдь не являвшимся формальным: «О чем волостному правлению честь имею донести». «Простой народ казался мне гораздо свободнее, смышленее наших русских крестьян, и в особенности помещичьих. Он более понимал достоинство человека, более дорожил правами своими» [Ядринцев, 2003: 75].

Одновременно наблюдается странная позиция «униженности, угодливости, стремления откупиться». Постоянная настороженность к «чужим», стремление не допустить другого человека за некую черту,

сформировались в качестве защитных мер у сибиряков. При этом унижение, хитрость перед «чужими» не считались у старожилов зазорными. В словаре сибирского говора первой половины XIX века слово «ум» означает «хитрость». Отсюда обмануть, схитрить значит спастись от «зла». Так, Н.Д. Фонвизина за долгие годы проживания в Сибири, сумела выделить данные черты в ментальности старожилов. Сибиряк «ласков, добродушен, большой хлебосол, но не клади ему палец в рот - он без намерения, но откусит. Сибирское основное свойство: недоверчивость и осторожность, чтобы не дасться в обман и, если можно, самому обмануть. Быть обманутым считается за стыд. Сибирская скромность, скрытость. Сибиряки весьма просмешливы. Все, что не согласно их умонастроению, понятиям, они непременно просмеивают. В сибирском обществе в высшей степени господствуют сплетни» [Андюсев, 2003: 24].

Постоянное соперничество в ведении домохозяйства, земледелии, в достижении уровня жизни, в повседневном поведении было довольно близко характеру граждан США, о чем отмечали в записках декабристы. «Каждый живет особняком», коллективное начало «мало развито», в борьбе за выживание, в условиях соревнования-соперничества в старожилах вырабатывались «удивительная выносливость и настойчивость, необыкновенная терпимость в трудах, мужество в опасностях» - писали о сибиряках в XIX веке. Сибиряк постоянно стремился выглядеть в глазах односельчан, окружающих радушным и хлебосольным хозяином, сострадающим «сирому и убогому». Отмечалось, что «нигде в России так не подают нищим, как в Сибири» [Андюсев, 1990].

«Сибиряки народ человеколюбивый и снисходительный, за всем тем, что они окруженные ссыльно-преступными. Нравы здешних жителей кротки, благонравны и гостеприимны: они каждого приезжающего принимают ласково, рады разделить с ними, что имеют последнее, и ладе кто из гостей в знак благодарности за такой прием будет благодарить деньгами, то сам

навлечет хозяину на себя неудовольство, а деньги не примутся» [Пестов, 1933: 55].

Наряду с милосердием, при выраженной соревновательности, элемент «демонстрирования» высокой нравственности играл немаловажную роль. Высокий уровень нравственности в общине зависел от уровня нравственности ее членов. «Мы избегаем порочных людей, так как лица эти полезными обществу быть не могут» - записали в своем приговоре старожилы Анциферовской волости Канского уезда. В сибирском афоризме «Что грязно изнутри, не сделаешь чистым снаружи» мы видим философское осмысление нравственных качеств личности, взаимосвязи материального и духовного в миропорядке старожильческого населения. Таким образом, в сознании сибиряка имелись установки действий, направленные на формирование способности старожилы создавать свой «чистый мир». В понятия нравственность, честь, достоинство сибирский старожил вкладывал и честность: «Обманешь в игле, не поверишь и в рубле», «Честь чести и на слово верит» [Палагина, 1955, 1977].

Наряду со свободой, личными качествами человека, важнейшее место в картине мира занимал свободный труд: «Мужику больше о чем думать, как не о пашне, о работе. Да за добрые труды быть словутными» – подчеркивал А.П. Щапов [Щапов, 1973: 31]. Жизненную необходимость напряженного труда в страдную пору выделял этнограф А.А. Макаренко: «Рабочий день сибирских крестьян продолжается от зари до зари около 16-18 часов в сутки, при кратковременном отдыхе». Труд становился в сознании и мерой оценки «праведного человека», имеющего пашню, домохозяйство. «Мертвый не без могилы, а живой не без подворья» - говорили сибиряки [Сенкевич, 1975].

Традиционное российское неприятие «стяжательства», «скопидомства», богатства в ментальной картине мира изменило свою полярность. Бытовавшее в этническом сознании отрицательное отношение к зажиточности меняется; богатство становится мерой «угодности Богу». Соответственно в картине мира богатым предстал тот, кто «сытой мужик,

полномочный, живет словутно» (достойно); середняк, «средней руки крестьянин», тот, кто «можно живет, ладно, сытно и словутно». Положительная оценка зажиточности – «живет словутно» – отражала ментальную оценку основной массы старожильского населения. Подобное место зажиточности в картине мира сибиряков еще в начале XIX в. определил губернатор Енисейской губернии А.П. Степанов, писавший что, хозяйства, в которых «до трех лошадей - относят здесь к бедноте» [Андюсев, 1932].

Будучи одним из краеугольных основ ментальности, стремление к зажиточности большинством современников часто рисовалась как негативная привычка сибиряка к «корысти, приобретению, наживе». Историк Л.М. Сабурова приводит высказывание ангарского старожила: «Я доможирничал, на прииска не ходил». Слово «жир» в словаре приенисейских сибиряков означало «довольство, богатство». «Жировать» - значить жить в довольстве, зажиточно. В данном случае «доможирничал» - приобретал высокие доходы *своим* хозяйством (домом) и, соответственно, жил в довольствии [Сабурова, 1972].

В процессе адаптации данное качество имело немаловажное значение в доскональном изучении окружающего мира в целях самосохранения. О рациональной организации и уме сибиряков высказывались декабристы, когда «заставали мирские сходки и удивлялись и радовались расторопному и умному ходу дел, ясному и простому изложению мнений умных мужиков». Рациональное сознание сибиряка формировало установки выдержки, спокойствия. В старожильском «обществе» приветствовался «сурьезный человек», строгий (по-сибирски «свирепый») внешний вид, спокойная речь. Осуждалось эмоциональная невыдержанность, быстрая речь («тараторка»), легкомысленная («взьендывающая») походка. Однако, употребительным было не слово идти, а – бежать («Куда бежишь?», «Сбегай на пашню, посмотри») [Матвеева, 1975].

Старожилов отличало рациональное мышление: они мыслили расчетливыми категориями, были практичны. Будучи прекрасным знатоком сибирского фольклора, этнограф А. Ровинский выделил в пословицах глубокий назидательный смысл. Например, говоря, - «не мылися, бриться не будешь», - сибиряк прямо намекает: «Не рассчитывай никогда на чужое».

Ради хозяйственной целесообразности жертвовали даже верой; так в 1858 г. Тобольской духовной консисторией рассматривалось дело «О пагубной привычке сельского населения Енисейской губернии работать в воскресные и праздничные дни».

Основой сознания старожилов являлась опора на заветы и традиции предков. «Сибирский крестьянин набожен, но эта набожность особого свойства. Она в уважении обрядов, традиций нашей крестьянской истории. Чем древнее, тем подлиннее, тем истиннее» - писал крестьянин Т. Бондарев [Андюсев, 2003: 34].

Сибирский характер проявлялся в труде, в быту, культуре, в периоды военных испытаний, когда сибиряки показывали себя прекрасными воинами, проявляли твердость духа в экстремальных ситуациях.

О проявлениях различий в психике российского и сибирского населения к середине XVIII в. Свидетельствуют записки ученого-путешественника И.Г. Гмелина. Он негативно оценивал представления сибиряков о роли экономического принуждения в земледелии: «Земля благословенна, а людей не заставляют работать». Так же его поразил иной тип социальных отношений в Красноярске по сравнению с остальной Россией: «Служивые живут с воеводой по-панибратски» [Быконя, 1986: 136-137].

Формируясь исторически, характер сибиряков представляет совокупность социально-психологических черт, сумму поведенческих реакций, проявляющихся во всех сферах жизнедеятельности. К числу характерных черт сибиряков, как и русского народа, относятся трудолюбие, терпеливость, терпимость, миролюбие, доброта, отзывчивость, сердечность,

открытость, любовь к отечеству, гостеприимство, тяга к коллективному, любовь к природе.

1.3. Сибирь как лингворегион

Языки Сибири – условное собирательное название для различных языков, на которых говорят коренные обитатели Сибири и Дальнего Востока России. В лингвистике отсутствует понятие «сибирская языковая семья» или подобные, так как эти языки отличаются как генетическим, так и типологическим разнообразием. Языки Сибири относятся к 8 языковым семьям – индоевропейской, алтайской, уральской, юкагиро-чuvanской, эскимосско-алеутской, чукотско-камчатской, енисейской, айнской; нивхский язык является изолированным.

Впервые попытался последовательно и в зависимости от материала с относительной полнотой охарактеризовать русские говоры Сибири А.М.Селищев [Селищев, 1968]. В этой работе дано описание фонетики и морфологии, главным образом, старожильческих говоров. Названный очерк послужил основой для многих диалектологов, изучавших фонетику и морфологию говоров Сибири различных регионов: Г. И. Матвеевой [Матвеева, 1975], В. В. Палагиной [Палагина, 1955, 1977], В. А. Сенкевича [Сенкевич, 1975]. Языки малых коренных народов и региональную лингвистику Сибири изучали такие ученые-диалектологи и региолингвисты как О.Н. Блинова [Блинова, 1975, 1984], О.В. Борхвальдт [Борхвальдт, 1991, 1994, 2001], В.В. Бебриш [Бебриш, 1992], С.П. Васильева [Васильева, 2003], Л.Г. Самотик [Самотик, 2001] и др. Разнотипный характер русских говоров Сибири, наличие смешанных и «островных» говоров - все это создает такую пеструю картину переплетения (фонетических и морфологических) разнотипных черт, которую нельзя представить на лингвистической карте. Поэтому сибирские диалектологи отказались от идеи создать диалектологический атлас русских говоров Сибири.

Наиболее перспективным оказалось изучение диалектной лексики, разнообразной и очень богатой. О лексике русских сибирских говоров написано много статей, несколько монографий. Аспекты исследования фактического материала в них разные, они зависели и от содержания лексикологических работ известных лингвистов страны (Ф.П. Филин [Филин, 1961], В.В. Палагина [Палагина, 1955, 1977], Т.С. Коготкова [Коготкова, 1979]) и вместе с тем определялись и спецификой лексики сибирских говоров. Из всех лексикологических работ сибирских диалектологов следует выделить статьи и монографии В.В. Палагиной [Палагина, 1955, 1977], посвященные реконструкции исходного состояния томского говора. В этих работах автор устанавливает на основе данных письменных памятников XVII-XVIII вв., фактического материала современных томских и материнских европейских говоров разновременные комбинации разнодиалектных систем, которые имели место в процессе исторического сложения томского говора, и более поздних вкраплений в его уровни. Последовательное и всестороннее изучение сибирской диалектной лексики было бы невозможно в таком объеме, который достигнут, без издания диалектных словарей. За последние двадцать лет было создано и вышло в свет около десяти сибирских региональных словарей. Назовем наиболее значительные из них: «Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби» [Палагина, 1967], созданный сотрудниками кафедры русского языка Томского университета; «Словарь русских говоров Новосибирской области» [Федоров, 1979], составленный сотрудниками отдела филологии Института истории, филологии и философии СО АН СССР; «Словарь русских говоров Забайкалья» [Элиасов, 1980]. Все эти словари дифференциального типа. Задачу создания полного диалектного словаря сибирские диалектологи не ставят. По инициативе ученых Красноярского педагогического университета в 1991 г. был открыт Региональный лингвистический центр Приенисейской Сибири (РЛЦ), в рамках проекта опубликованы монографии, хрестоматии, учебные и методические пособия, словари, сборники статей в области

региональной лингвистики и диалектологии. С 1991 по 2001 г. изданы учебные пособия по диалектологии авторов: Л.Г. Самотик [Самотик, 2002], Г.Г. Белоусова [Белоусова, 1992]. При финансовой поддержке Научно-производственного центра по охране памятников вышли в свет: «Словарь русских говоров северных районов Красноярского края» [Белоусова, 1992]; «Словарь русских говоров южных районов Красноярского края» [Рогова, 1968]; «Словарь рыбаков и охотников Северного Приангарья» [Петроченко, 1993]; «Опыт лесного словаря: На материале русских говоров Красноярского края» [Михалап, 1994]; «Словарь золотого промысла Российской Империи» [Борхвальдт, 1998] и др.

Вместе с тем тяжелые природно-климатические условия Сибири, необходимость нередко с оружием в руках отстаивать право на поселение воспитывали у первопроходцев и их потомков особые черты характера, совокупность которых позволяет говорить о таком феномене, как «сибирский характер». Он уже давно получил право гражданства среди широких слоев населения нашей страны, нашел яркое отражение в различных произведениях отечественной литературы и искусства, например, в книгах В. Астафьева, А. Черкасова, А. Чмыхало, В. Шукшина и др., в замечательных картинах В. Сурикова и в работах других авторов, посвящавших свои произведения сибирской тематике.

Справедливости ради следует отметить, что несмотря на широкое использование в различных сторонах общественной практики, пока достаточно четкого и полного определения самого понятия «сибирский характер» еще нет ни у социологов, ни у социальных психологов, ни у представителей других областей научного знания. Одной из причин этого, как представляется, можно считать многоплановый и весьма противоречивый по своим проявлениям собирательный образ сибиряка как носителя сибирского характера. Поэтому требуется как бы «по крупицам» собирать те качественные признаки, в которых прежде всего раскрывается этот феномен. К их числу в первую очередь относятся мужество, смелость, искренность,

прямолинейность суждений, надежность в делах и верность слову. Потомственнымсибирякам свойственны смекалистость, хозяйственность, рассудительность и упорство в достижении цели, нередко переходящее в упрямство. Им не чужды тяга к коллективному веселью, широкая удаль и способность «самогонки немало выпить». Для сибиряков в большой мере характерно отсутствие национальной, межконфессиональной нетерпимости, им свойственны товарищеская взаимопомощь, особенно в экстремальных ситуациях, устойчивость к климатическим и физическим перегрузкам, значительная открытость действий и помыслов, гордость за свою малую Родину – Сибирь и особое звание «сибиряк», озабоченность ее судьбой как в настоящем, так и в будущем [Борхвальдт, 1998].

Перечень личностных качеств, свойственных большей части сибиряков, безусловно, можно продолжить и дальше. Нетрудно заметить, что в них находит отражение немалая часть черт характера всех россиян. Но, пройдя суровые испытания сибирской природой, большой оторванностью даже от элементарных благ цивилизации, необходимостью в трудах ратных и самых обыденных обустроить для себя и потомков обширные сибирские земли, они не могли не обогатить себя особыми качествами, в совокупности которых и предстает целостный образ сибиряка, достаточно узнаваемый среди других жителей России [Бебриш, 1992].

Какие же задачи необходимо в первую очередь решать в целях научной разработки различных сторон проблемы характера? Первая, как нам кажется, состоит в том, чтобы с позиции системного подхода оценить и свести воедино научные факты, полученные при изучении указанной проблемы – основных проявлений характера, его развития, и микроуровнях. Вторая задача заключается в том, чтобы выявить и сформулировать еще не решенные вопросы, относящиеся к этой хотя и трудной, но чрезвычайно актуальной и в теоретическом и в прикладном отношении проблеме [Элиасов, 1980].

Приступая к более подробному освещению положения с исследованием проблемы характера в нашей психологии, мы предлагаем начать с содержательного раскрытия самого понятия характера, избрав для этого логику рассуждения, введенную в научный оборот выдающимся советским характерологом В.Н. Мясищевым, и делаем это именно так потому, что в его концепции категория характера с большой мерой доказательности выведена из его понимания личности как «ансамбля отношений» [Мясищев, 1992].

Выше уже говорилось, что К. Маркс, раскрывая сущность человека как личности, определил ее как совокупность общественных отношений. В.Н. Мясищев, исходя из этого понимания, последовательно рассмотрел виды общественных отношений, которые интересуют философию, политэкономия, социологию, юридические науки, педагогику, а затем выделил отношения, которые являются предметом изучения различных областей психологической науки. К таковым он отнес отношения людей к природе, общественным институтам, собственности, труду, отношения их между собой, а также к самим себе. Эти отношения всегда «отягощены» конкретно-историческими характеристиками. На них сказываются общественно-экономическая формация, классовая принадлежность, возраст, пол, профессия, причем эти обстоятельства действуют на названные отношения не сами по себе, а будучи опосредованными специфическим опытом труда, познания, общения, накапливающимся у человека как у представителя конкретного общественного класса и, вместе с тем, как у представителя определенной половой, возрастной и профессиональной группы [Маркс, 1994].

Каждый человек с первых дней своей жизни оказывается включенным в систему объективных отношений окружающих его людей к действительности. В частности, он оказывается включенным и в систему отношений этих людей друг к другу и к нему самому. Постепенно все эти отношения становятся его собственными отношениями – к природе, общественным институтам, труду, общественной и личной собственности,

другим людям, самому себе. Анализу структуры собственно характера посвящено не так уж много работ, а те, что есть, трактуют ее очень неоднозначно и не всегда осязаемо определенно. Нам кажется, что понимание того, что из себя представляет структура характера, надо начать с осмысления ее основного элемента – отношения. Во многих психологических исследованиях отношения трактуются только в одном смысле – как эмоциональный отклик определенной силы и знака со стороны человека на объект отношения. На самом деле отношение личности к чему-либо имеет более сложное психологическое содержание [Палагина, 1967].

У каждого человека с детства формируется система ценностей, в которой разные стороны действительности, относящиеся к природе, людским общностям, делам самого человека и т. п., имеют для него неодинаковую субъективную значимость, поскольку они по-разному служат удовлетворению имеющихся у него материальных и духовных потребностей. Поэтому-то и ведет себя человек неодинаково, когда сталкивается с разными сторонами действительности. Например, осознав, что перед ним очень значимое для него лицо, человек дает сильный эмоциональный отклик и соответственно себя ведет. В другом случае, столкнувшись с событием, которое он оценивает как малозначимое, человек дает на него слабую эмоциональную реакцию и снова ведет себя соответственно. Таким образом, отношение по существу своему представляет собой единство, своего рода «сплав» знания, переживания и поведения [Федоров, 1979].

Отношения людей к отдельным сторонам действительности, их компонентам и характеристикам, как правило, отличаются друг от друга не только разной степенью положительности или отрицательности, но и разной степенью обобщенности и дифференцированности. Например, один человек в равной мере бережливо может относиться к вещам, составляющим общественную и его личную собственность. А у другого это качество проявляется лишь по отношению к личным предметам. Или – один человек может устойчиво себя вести как коллективист в рамках производственной

бригады, членом которой он является, и начисто терять это качество за ее пределами. А его товарищ по бригаде это качество проявляет одинаково и в бригаде, и в любой другой общности как в официальной, так и в неофициальной обстановке[Филин, 1961].

Таким образом, в конкретных случаях отношение человека выступает как своеобразная интеграция более частных, так сказать парциальных, отношений к различным объектам, ситуациям, событиям, состояниям окружающей его действительности и т. д., объединяемым им по какимто признакам в одну категорию. Система таких более общих отношений составляет структуру характера человека.

Историк В.О. Ключевский в свете исследования результатов непрерывной русской колонизации высказал идею о системном «влиянии внешних условий на склад и ход русской истории», на русский национальный характер. Проблемы российской колонизации успешно занимался историк М.К. Любавский. Он писал: «Начальная колонизация Восточной Европы и начальная колонизация Сибири сливаются в одно однообразное многовековое поступательное движение русского населения на восток. невольно переносишься мыслью в начальные времена русской колонизации в Восточной Европе в VII–IX вв».[Любавский, 2000]

Формирование «русской Сибири» во многом воспроизводило процессы первоначального земледельческого освоения центральных районов России. Однако наиболее интересным аспектом повторения «русской колонизации Восточной Европы» в сибирских условиях XVII – XVIII вв. является вторичный процесс *системной адаптации* человека к нетрадиционным факторам окружающей среды. Адаптация, по определению этнолога Э.С. Маркаряна, есть «процесс проигрывания процесса освоения окружающего пространства в целях обеспечения психологического равновесия с опасностями среды...»[Маркарян, 1981].

Суровость сибирского климата дополняется продолжительной зимой, коротким летом, длительными морозами и глубоким снежным покровом в

таежной зоне, а в степных районах – малоснежьем, повышенной солнечной радиацией, в северных районах продолжительной полярной ночью[Ключевский, 1987].

Важным фактором становления самосознания сибирских старожилов стал новый образ Родины. Со второй половины XVII и в течение всего XVIII в. с формированием адаптированной культуры в сознании потомственных старожилов родиной становится суровая «матушка-Сибирь». Поэтому термин «сибиряк» в этнониме нового субэтноса отражал и степень принадлежности к сибирской земле и, одновременно, степень приспособления к сибирским факторам. Когда сибиряки называли прибывших из-за Урала, из «Рассеи», «российскими людьми», то оценивали их с позиций принадлежности России, а не Сибири. В сознании сибиряков было два пространства – Рассея и Сибирь. Показателем окончательного преодоления ее в сознании русских сибиряков является перемещение образа Сибири в позитивный компонент этнических констант. Генерал-губернатор Западной Сибири Князь П.Д. Горчаков писал в первой половине XIX в.: «Бесспорно, что сибиряки гордятся своей родиной, к коей привязаны более внутренних обывателей (то есть жителей Европейской России), что они с излишеством ценят ее изобилия и удобства». Современники не сомневались в том, что «сибиряк на всем Востоке России чувствует себя, как дома» [Цит.1908].

В широком смысле характер любого народа – явление природное. Носители его, этносы или малые социальные общности, приходят и уходят; с ними приходят и уходят различные типы этносоциального характера. В узком смысле характер личности и социума – явление историческое; характер человека меняется во времени по мере изменения исторической обстановки и исторических задач, стоящих перед обществом. Русский национальный характер имеет глубокие корни и черты древнеславянского, древнерусского, московско-русского периодов общероссийской истории. Носителем национального характера является народ, этнос –

социокультурная общность с присущими ей культурными моделями и устойчивыми уникальными соотношениями их внутри общества[Лурье.1998].

Родиной русского этноса являются пространства восточно-европейской равнины. К XVII в. здесь функционировали традиционное хозяйство, социальное сообщество общинно-корпоративного характера, развитая культура. Процесс присоединения и освоения Сибири напрямую связан с перемещением сравнительно небольшой группы русского этноса в новое «месторазвитие». Процесс адаптации к факторам новой среды привел к изменениям в экономике, культуре, общественных отношениях, образе жизни, чертах характера этнической группы в сравнении с характеристиками материнского этноса. «Русские крестьяне и казаки, переселяясь в Сибирь, создали ряд оригинальных вариантов русской культурной традиции... и образовали субэтнос русских сибиряков», – сделал вывод Л.Н. Гумилев[Гумилев.1993].

Историк В.О. Ключевский подчеркивал: «...человек то поминутно и попеременно приспособливается к окружающей его природе, к ее силам и способам действий, то их приспособляет к себе самому, к своим потребностям». Далее он отмечал влияние природы на выработку сообразительности, характер, чувства, понятия, стремления, на отношение к другим людям. Неудивительно, что на сибирских просторах ковались в людях смелость, стойкость, трудолюбие, взаимовыручка [Ключевский, 1987].

Географические факторы потребовали от человека сверхнапряженного труда, выносливости, наличия закалки и крепкого «сибирского» здоровья. Отмечалось и определенное влияние на физиологию организма, внешний вид старожилов. Особое влияние климат оказал на формирование психологической устойчивости к превратностям судьбы и погоды, невиданного упорства и выдержки в повседневной жизни. Так, сибиряки в прошлом более адекватно воспринимали суровые реалии края. Полная адаптация старожилов к воздействующим природно-климатическим факторам отразилась в формировании уклада быта и хозяйственной жизни, в

праздниках сибирского народного календаря. Наиболее благоприятным и ожидаемым считался период от осени до весны, как «веселый сезон», а лето воспринимали как «проклятущее», с необходимостью «зарывного» труда по 18 часов в сутки. На специфику адаптации населения Сибири накладывали отпечаток конкретные условия природных зон и областей, рельеф местности, осадки и климат, речная сеть, продолжительность благоприятного для земледелия периода, характер почв. Природно-климатические факторы с первых десятилетий оказывали влияние на процессы естественного отбора: выживали и приспособлялись наиболее стойкие, закаленные, физически крепкие люди. Не зря понятие «сибирское здоровье» стало расхожим. Естественное закаливание и труд с раннего детства позволяли в течение столетий закрепить иммунитет по отношению к множеству стрессовых природных факторов. Сибиряки отличались повышенной остротой слуха и зрения, силой и выносливостью, способностью выдерживать длительные переходы и продолжительные физические нагрузки, перепады температур и продолжительные холода, умели прекрасно ориентироваться в незнакомой местности [Любавский, 2000].

В большинстве своем в сибирский край по своей воле или «воле» властей шли люди смелые, предприимчивые, активные и рискованные, стремящиеся к выполнению поставленной задачи, преодолевающие страх смерти. Таковых людей историк Л.Н. Гумилев назвал пассионариями. Пассионарии – это наиболее честолюбивые, независимые, страстные, активные, смелые представители этноса, с внутренним стремлением к деятельности. Это люди с избытком внутренней энергии, способные к самопожертвованию, стремящиеся к изменению окружающего мира. Далее Л.Н. Гумилев отмечал: «Пассионарность окраин этнического ареала всегда выше, чем пассионарность исторического центра. люди энергичные, стремясь избавиться от пристального внимания начальства и обрести побольше простора для деятельности, едут осваивать новые земли» [Турбин, 1872].

Черты пассионарности во многом позволяли преодолевать холод и голод, противодействие «немирных» князцов кочевых сибирских этносов, трудности обустройства при минимальной помощи государства. Пассионариями были служивые люди и казаки, «промышленные» люди и большинство землепашцев. Чертами пассионариев обладали и бывшие преступники, сосланные в Сибирь. Здесь человека не спрашивали о прошлом, а оценивали по настоящему поведению. Таким образом, черты пассионарности в течение несколько веков стали чертами характера сибирского населения. Сибирь – «страна пассионариев» с выраженными чертами активности, предприимчивости, настойчивости, смелости и целеустремленности. Лучшие черты характера: стойкость, смелость, верность долгу, патриотизм, во многом являвшийся выражением лучших черт сибирского характера, – наилучшим образом раскрывались в годы многочисленных войн [Гумилев, 1993].

Таким образом, на основе принятой учеными дефиниции понятия «сибирский характер» мы выявили «исторически сложившуюся совокупность устойчивых психологических черт представителей сибирского субэтнуса, определяющих привычную манеру их поведения и типичный образ действий и проявляющихся в их отношении к социальнобытовой среде, окружающему миру, труду, своей и другим этническим общностям». Русский язык с самого начала его бытования в Сибири был не литературным, а диалектным. Литературно-письменный язык стал распространяться в Сибири в конце XVII в., в период развития русского национального государства с его органами власти и управления. Он существовал, главным образом, в форме делового стиля [Федоров, 1982].

1.4. Лингвокультурологический аспект изучения языка

Существует множество определений лингвокультурологии как науки. Представим три основные точки зрения. Лингвокультурология как прикладной аспект процесса преподавания языка, что предполагает более

углубленное эмпирическое изучение языковых фактов [Тхорик, Фанян, 2005: 35]. Лингвокультурология призвана выявлять и описывать наиболее общие закономерности взаимообусловленности и взаимодействия языковой и культурной практики человека и общества [Хроленко, 2009: 31]. Лингвокультурология – это комплексная научная дисциплина синтезирующего типа, изучающая взаимосвязь и взаимодействие культуры и языка в его функционировании и отражающая этот процесс как целостную структуру единиц в единстве их языкового и внеязыкового содержания при помощи системных методов и с ориентацией на современные приоритеты и культурные установления (система норм и общечеловеческих ценностей) [Воробьев, 1996: 47].

Неоднозначно трактуются задачи лингвокультурологии. Большинство исследователей считает, что лингвокультурология должна исследовать фиксацию культуры в языке и проявление ее в дискурсе [Красных, 2002: 13], либо что лингвокультурология исследует и исторические, и современные языковые факты сквозь призму культуры [Маслова, 2001: 11]. В.И. Карасик определяет сущность данной науки как комплексную область научного знания о взаимосвязи языка и культуры [Карасик, 2004: 87].

С этой точки зрения определение языка будет звучать следующим образом: язык – мощное общественное орудие, формирующее людской поток в этнос, образующий нацию через хранение и передачу культуры, традиций, общественного самосознания данного речевого коллектива [Тер-Минасова, 2000: 15].

Таким образом, лингвокультурология – это комплексная научная дисциплина синтезирующего типа, возникшая на стыке лингвистики и культурологии, исследующая лингвистический аспект взаимосвязи языка и культуры и рассматривающая этот процесс как целостную структуру единиц в единстве их языкового и культурного содержания. Объектом лингвокультурологии является язык как отражение и фиксация культуры.

Предметами лингвистических исследований лингвокультурологического характера могут быть:

1. Архетипы и мифологемы, обряды, поверья, ритуалы и обычаи, закрепленные в языке.
2. Прецедентные феномены, закрепленные в языке (ситуации, тексты, имена и высказывания).
3. Культурные концепты, отраженные в единицах языка и дискурса.
4. Стереотипы.
5. Эталоны, символы и образы (в том числе метафоры и сравнения).
6. Слова и выражения, служащие предметом описания в лингвострановедении (безэквивалентные языковые единицы и лакуны).

Лингвокультурология тесно связана с рядом других научных дисциплин:

1. Лингвистика
2. Культурология
3. Этнолингвистика и ее раздел этнопсихоллингвистика как направление, рассматривающее речевую деятельность в преломлении национально-культурной специфики и с учетом национально-культурной составляющей дискурса. Основным методом исследования в этнопсихоллингвистике является ассоциативный эксперимент [Красных, 2002: 10, 13]. Данные дисциплины изучают взаимодействие лингвистических, этнокультурных и этнопсихологических факторов в функционировании и эволюции языка [Хроленко, 2009: 23].
4. Культурная лингвистика. Изучает связи между языком и культурой.
5. Лингвистическая антропология. Изучает связи между культурой, языком и данным обществом.
6. Лингвострановедение. Это дидактический аналог социоллингвистики, развивающий идею о необходимости слияния обучения иностранному

языку как совокупности форм выражения с изучением общественной и культурной жизни носителей языка [Тер-Минасова, 2000: 30].

7. Лингвокультуроведение. Наука, исследующая всю совокупность культурно-языковой проблематики.

Сопоставительная лингвокультурология

Сопоставительную лингвистику часто называют контрастивной или конфронтативной лингвистикой, она является относительно новой отраслью в лингвистике, которая образовалась в рамках типологического языкознания.

Если сравнительная лингвокультурология исследует лингвокультурные проявления разных, но взаимосвязанных этносов, то сопоставительная лингвокультурология изучает лингвокультурные проявления разных и невзаимосвязанных этносов. Существенные особенности языков и культур обозначаются при сопоставительном изучении, по крайней мере, двух языков – иностранного и родного [Тер-Минасова, 2000: 36].

Основным методом сопоставительной лингвокультурологии является сопоставительный метод. Сопоставительный метод понимают как исследование и описание одного языка через его системное сравнение с другим языком с целью прояснения его специфичности. Идея сопоставительного метода была теоретически обоснована И.А. Бодуэном де Куртенэ, который считал, что сопоставительное изучение языков может основываться на выявлении сходств и различий между языками независимо от их исторических и генеалогических связей. Составными частями сопоставительного метода являются:

- Установление основания сопоставления. Заключается в выборе какого-либо признака языкового явления – фонетического, грамматического, лексического или семантического – в качестве основания исследования. На данном этапе продумывается широкий круг вопросов: 1. Определение аспектов сопоставительного описания лексики; 2. Установление эталона сравнения; 3. Выделение единиц и категорий для сопоставления; 4. Выбор

параметров сопоставления; 5. Подбор адекватных методик сопоставления для эффективного выявления специфики сравниваемых языковых систем.

- Сопоставительная интерпретация. Заключается в том, что сопоставляемые факты и явления изучаются с помощью сопоставительного метода, а полученные результаты сопоставляются.
- Типологическая характеристика. Направлена на выявление типичных и нетипичных признаков изучаемого явления.

Как отмечает В.И. Карасик, лингвокультурологические исследования по своей природе предполагают сопоставление изучаемых явлений, но оно может быть двояким: с одной стороны, контрастивный анализ языковых единиц, выражающих специфическое национальное видение мира носителей разных языков, и, с другой стороны, типологический анализ таких единиц, предполагающий построение на дедуктивном методе, например, в виде матрицы [Карасик, 2004: 91].

Таким образом, целью сопоставительной лингвокультурологии является выявление культурной детерминированности сходств и различий между разными языками, взаимосвязи культуры и языковых явлений этносов вне зависимости от степени их родства. Объектом сопоставительной лингвокультурологии могут стать как культурные факторы, влияющие на сходства и различия в исследуемых языках и отражающиеся в явлениях языка, так и влияние сопоставляемых языков на формирование соответствующих культур. Предметом сопоставительной лингвокультурологии становятся единицы языка, отражающие влияние культуры на язык (стереотипы, концепты, мифологемы, символы и т.п.).

В последнее время многих ученых привлекает сопоставительный метод и в результате появляются работы, посвященные сопоставлению двух разных лингвокультур. Например, О.А. Леонтович [Леонтович, 2005] проводит сопоставительный анализ русской и американской лингвокультур с целью определения характера взаимовосприятия и взаимодействия русских и американцев на культурно-языковом уровне [Леонтович, 2005: 85-86].

«Антология концептов», вышедшая под редакцией В.И. Карасика и И.А.Стернина, содержит различные диссертационные исследования, посвященные концептам в сопоставлении двух разных лингвокультур [Карасик, Стернин, 2007]. В данном русле выполнена работа М.К. Голованивской «Французский менталитет с точки зрения носителя русского языка» [Голованивская, 1998].

1.5. Понятие стереотип в лингвокультурологии

У каждого народа имеется набор стереотипов, ассоциирующихся с определенными национальными или социальными группами. Так, например, в глазах французов бельгийцы выглядят лишенными юмора простаками-тугодумами, швейцарцы – ограниченными, скуповатыми и расчетливыми педантами, итальянцы – любителями приврать. В перечне французских этнических стереотипов грек представляется оборотистым человеком, турок – физически сильным, поляк – любителем выпить. Англичан нередко упрекают в корыстолюбии и эгоизме. В русских французы ценят размах, широту, сердечность, выдержку и стойкость в беде [Садохин, Грушевицкая, 2004: 294].

Сопоставление функционирования стереотипов в разных лингвокультурах приобретает особое значение, так как оно позволяет прояснить природу данного явления, выявить сходство или различие стереотипов, выраженных лексическими средствами носителей данных языков.

Стереотип определяется как схематический, стандартизированный образ или представление о социальном явлении или объекте, обычно эмоционально окрашенные и обладающие устойчивостью. Выражает привычное отношение человека к какому-либо явлению, сложившееся под влиянием социальных условий и предшествующего опыта [Карпенко, 1985: 447]. В качестве научного термина понятие «стереотип» было употреблено У.Липпманом в 1922 году, он понимал стереотип как схематичный и

односторонний «образ в голове человека» какого-либо явления, человека, вещи и мнение о нем, усвоенное из окружающей среды еще до познания объекта.

В когнитивной лингвистике и этнолингвистике стереотип относится к содержательной стороне языка и культуры, понимается как «устойчивое, т.е. воспроизводимое, а не создаваемое каждый раз заново сочетание, закрепившееся в коллективной памяти на уровне лексем» [Бартминьский, 2005: 155]. В.В. Красных отличительными свойствами стереотипа выделяет национально-культурную маркированность, устойчивость, минимизированность, наличие инварианта [Красных, 2003: 232].

В природе стереотипа возникает двоякость: с одной стороны, стереотип как «кривое зеркало» искажает и обобщает черты объекта, с другой стороны, он подготавливает к столкновению с чужой культурой, ослабляет культурный шок.

Источниками стереотипов являются [Тер-Минасова, 2000: 142]:

1. Анекдот, в котором отражаются отличительные признаки стереотипа, хранящиеся в когнитивной базе представителей одной национальности.
2. Анкетирование и проведение ассоциативных экспериментов.
3. Национальная классическая литература.
4. Данные толковых словарей, особенно лингвокультурного характера.
5. Фразеология.

В.В. Красных предлагает делить стереотипы на две группы стереотипы поведения и стереотипы-представления, которые в свою очередь делятся на стереотипы-ситуации и стереотипы-образы. Стереотип поведения – обобщенное представление о поведении и манерах какого-либо народа. Стереотип-представление есть некоторая структура ментально-лингвального комплекса, формируемая инвариантной совокупностью валентных связей, приписываемой данной единице и репрезентирующей образ, представление феномена, стоящего за данной единицей в его национально-культурной

маркированности при определенной предсказуемости направленных ассоциативных связей. Стереотип-ситуация является структурой ментально-лингвального комплекса, хранящейся в сознании в виде клише и включающей в себя определенное поведение участников коммуникации, например, после драки кулаками не машут. Стереотип-образ является структурой ментально-лингвального комплекса, хранящейся в сознании в виде клише, которое в результате процесса стереотипизации функционирует как национально детерминированное минимизированное представление определенного элемента культуры, например, пчела – труженица [Красных, 2002: 178, 180].

А.П. Садохин и Т.Г. Грушевицкая предлагают выделять виды стереотипов в зависимости от характера объекта, подвергшегося типизации, и его места в социуме: групповые, профессиональные, этнические, возрастные и т.д. [Садохин, Грушевицкая, 2004: 295].

Итак, при изучении сибирского лингворегiona как составной части языковой модели мира были рассмотрены исторические, географические, культурологические и лингвистические источники о сибирском регионе с целью проследить, как складывалась сибирская языковая модель мира в диахроническом аспекте. Целью следующей главы становится изучение лингвально-ментального образа сибиряка в синхроническом аспекте.

Глава 2. Лингвально-ментальный образ сибиряка

2.1. Образ сибиряка в мировой литературе

Образ Сибири и сибиряка можно найти в начале 1930-х гг. в мемуарной иностранной литературе. Например, Р. Волтерс в книге «Специалист в Сибири» делится впечатлениями о советском периоде (30-е годы).

Сибирь в мемуарах Р. Волтерса представлена как непримечательная, плоская, бесконечная серая равнина с неблагоприятным климатом: «Шел дождь, завешенный серым туманом. Пейзаж стал тоскливым, и все казалось мне еще более плоским и бесконечным – гигантская сибирская равнина» [Волтерс, с. 108]. «Перепад в 20 градусов с одного дня на другой не был редкостью» [Волтерс, с. 178].

Сибиряки, по описанию немецкого архитектора, – это бедно одетые, дикие, отставшие от европейской цивилизации люди. Но при более тесном общении автор мемуаров отмечает особое радушие сибиряков, гостеприимность, умение петь. «Население, которое я здесь вижу, - смесь из русских, татар, киргизов и евреев. Все очень бедно одеты. Обувь, как правило, - лапти. Многие носят, несмотря на летнюю жару, степные халаты, короткие полушубки и меховые шапки, с длинными болтающимися ушами. Я ношу нормальную европейскую летнюю одежду – на меня таращатся» [Волтерс, с. 68-69]. «На нижней палубе ужасная теснота, один сплошной оборванный клубок людей. Вид такой орды мне уже не нов, и я не нахожу его больше таким чудовищным, как в первые дни в Сибири» [Волтерс, с. 101]. «Русские – радушные и исключительно гостеприимные хозяева. Гостеприимность – высший неписанный закон. все для гостя. Вряд ли есть народ, который так любит петь, как русские, и который владеет такой сокровищницей прекрасных народных песен. все умели петь» [Волтерс, с. 148]. При этом европеец осуждает равнодушие к родственникам: «С каким равнодушием даже образованные русские предоставляют родственников своей судьбе» [Волтерс, с. 185]. Это можно объяснить скрытностью

сибиряков и нежеланием делиться с посторонними людьми, а тем более иностранцами, своим горем.

Юмор сибиряков, по мнению иностранцев, мрачен, местные жители осознают свою бедность и чувствуют усталость в борьбе за жизнь, но при этом пытаются шутить над суровой действительностью: «Эпидемия побеждена, население вымерло», - говорили русские [Волтерс, с. 187]. «Русские и сами это видят, у них юмор висельников:

- Неплохо мы живем в нашем раю, да? Десять рублей на питание в день, пятнадцать рублей стоит обед, неплохо, совсем неплохо.

Я ложусь одетым на грязную постель.

- Клопы? – спрашиваю у соседа.

- Не десять, не сто, армейский корпус, - смеется он, и мне не остается сказать ничего другого, как:

- Nitschewo». [Волтерс, с. 227].

Волтерс подмечает не только быт и нравы сибиряков, но и их лексикон. Многие слова он пишет в немецкой транскрипции: «Nitchewo» (= ничего). Это замечательное словечко, которое одновременно может означать «хорошо», «плохо» и «ничего» [Волтерс, с. 82]. «Forteschka» (= форточка) [Волтерс, с. 141]. «Продуктовые рационы» (= продуктовые карточки) [Волтерс, с. 144].

Европеец замечает любовь сибиряков к театральной самодеятельности: «Театральная игра у русских в крови» [Волтерс, с. 182]. Возможно любовь к речам, которую неоднократно отмечает автор книги, связана с любовью к театру: «При любви русских к речам и собраниям это только препятствует работе, так как никакой начальник не решается действовать самостоятельно, а если он позволяет себе хотя бы минимальную самостоятельность, профсоюз на ближайшем собрании подставляет ему ножку и все разрушает. Как странно русские любят громкие собрания, и как все радуются, когда высокого начальника сбрасывают с его поста» [Волтерс, с. 114-115]. «Страсть русских к речам чудовищно сильна, и каждый, каждый должен был

то, что говоривший до него долго и подробно описывал, повторить еще раз. <...> бесконечный шабаш, дебаты дилетантов на технические темы. Обычно получалось так, что больше всех говорил тот, кто менее всего был обременен знаниями» [Волтерс, с. 146].

Педантичным иностранцам пришлось столкнуться с русской действительностью – бюрократией, неразберихой, непрофессионализмом и др. нелестными качествами советской действительности, - которая вводила европейцев в замешательство: «Чертите спокойно все, что вы хотите, проект никак не сможет оказаться слишком грандиозным, а построено все равно будет не то, что начерчено. Вы, немцы, все время придумываете себе лишние заботы» [Волтерс, с. 83].

Описание похорон глазами немца крайне сатирично: «Восемь длинных речей о коммунизме, Сталине и пятилетнем плане над мертвым» [Волтерс, с. 85-88].

Крайне скептически немец говорит о браке и семейных отношениях советских сибиряков: «Русские женятся очень рано, женщины – в 17, мужчины – в 18-20 лет. Это как раз очень просто. Человек идет в «ЗАГС» и через пять минут получает свидетельство о браке. Так же просты разводы, и так же часты. Поэтому неофициальный, так называемый «товарищеский брак», встречается гораздо реже, хотя и он признается государством. При разводе сын обычно остается с отцом, а дочь с матерью» [Волтерс, с. 191].

По мнению немца, печальна судьба женщины в советском обществе: «Женщины, которые в России пользуются хваленным, возведенным в степень равноправием с мужчиной, должны тяжело бороться и заслуживают всяческого сочувствия. Они вынуждены работать так же, как мужчина, чтобы себя прокормить» [Волтерс, с. 193].

Не осталась без внимания манера сибиряков отмечать праздники: «Домашние праздники всегда справлялись с таким количеством алкоголя, какое удавалось достать» [Волтерс, с. 149]. «Все участники пили друг с другом на брудершафт (русские переняли немецкое слово). Во время

церемонии мужчины тоже целовались друг с другом. Само собой разумеется, что я как гость должен был уважать обычаи этой страны и однажды вечером со смешанным чувством принял поцелуй своего шефа, который он по такому случаю сердечно впечатал мне в губы» [Волтерс, с. 150]. «Для русских хлеб – важнейший продукт питания» [Волтерс, с. 167].

Когда автор мемуаров заболел, его пришли навестить знакомые и не знакомые люди, что было удивительно и даже возмутительно для европейца: «Куря сигареты, стоят они вокруг моей кровати, дружески смотрят, беседуют между собой и что-то мне говорят, из чего я мало что понимаю. <...> я сам себе кажусь каким-то чудо-зверем в передвижном цирке. Боли и озноб становятся сильнее, но люди не хотят уходить» [Волтерс, с. 91-92].

Не менее удивительным для европейца оказался дефицит иностранных продуктов и повышенный интерес к красивым упаковкам, диковинным для местных жителей: «Сигареты в упаковке из фольги были самым неслыханным из того, что мои друзья могли себе представить. Каждый просил меня дать ему пустую упаковку, и я лишился дара речи, когда один высокий начальник однажды попросил меня с жадным взглядом: «Подарите мне эту красивую пачку, когда она опустеет». Вскоре я осознал, что благодаря этим блестящим коробочкам меня всюду будут хорошо принимать» [Волтерс, с. 151].

Отношение сибиряков к власти и церкви: «Диктатора уважали, но его провинциальных командиров, партию и ГПУ, в равной степени ненавидели и боялись» [Волтерс, с. 152]. «Однако, общей для всех, для коммунистов, рабочих, инженеров и старых буржуа, была ненависть к церкви. Любую религию находили просто смехотворной» [Волтерс, с. 153].

Отношение сибиряков к официальным бумагам, приказам и пр. казенным документам: «Договоры для русских не более, чем клочки бумаги». Равнодушие сибиряков к общественному порицанию: «Русские к общественному порицанию были полностью равнодушны». Отношение сибиряка к труду и вознаграждение за работу: «Ударник получает красное

удостоверение, карточку ударника, может без очереди входить в трамвай и автобус и брать билеты в кино в окошечке для военных» [Волтерс, 2002].

Отношение сибиряков к государственной собственности: «Треугольники и линейки – принадлежавшие государству и поэтому, на взгляд товарищей не заслуживавшие заботы – швырялись во все углы» [Волтерс, 2002].

Керстин Хольм, журналист, писатель (Германия), отмечает «загадочность» Сибири, «миф», «непонятное», «нецивилизованность из-за большого размера», «слишком большое пространство», «подпол» России, «корпус контрабаса» [Рубенс, 2008] (метафора, т.е. издает дополнительные звуки, создает резонанс).

Яцек Хуго-Бадер, журналист, писатель (Польша), описывает Сибирь как «большое темное пространство», это «черная дыра», «ссылная», «зона», «страшное и холодное» место, где находятся бывшие заключенные [Белая горячка, 1992].

Збигнев Копеч, литературовед (Польша), пишет, что в Сибири находились многие ссылные поляки, поэтому у него сложилось чувство, связанное с Сибирью, – «безнадежность». В 1930-х гг. понятие о Сибири в Польше изменилось. Литераторы пытались сломать этот стереотип. Но после Второй мировой войны Сибирь снова стала ассоциироваться с ссылкой. Поляки имеют «расплывчатое» представление о Сибири. Упоминает о рекламе банка «Сибирь», «Не очень быстрый, но надежный». Пришло время третьей попытки изменить стереотип о Сибири [Прогулки, 2008].

Джеймс Мик, писатель (Великобритания), отмечает, что Сибирь – «другая страна», отдельная от России. На карте – «огромное пустое место, без дорог, с маленькими кругами, обозначающими неизвестные города», это «чистый лист» на территории России. Он отмечает также «противоречивость» характера, «пластичность» сибиряков. Есть книга «Смертельный берег» [Любовь человеческая, 2001], повествующая об Австралии, как она

добивалась независимости от Великобритании. Сибирь по отношению к России – Австралия по отношению к Великобритании.

Мариэтта Чудакова, литературовед, критик, писатель (Россия), смотрит на Сибирь с позиции европеизированной России (по ту сторону Урала от Сибири), поэтому сибиряк для неё – это охотник, таежный человек, занимающийся животноводством. «Западному россиянину» это не знакомо, для него Сибирь – такое же мифологически неопределенное, как и в сознании иностранцев. Главной причиной сохранения самобытности сибиряка отмечается масштабность территории, удалённость от центра, непроходимость и бездорожье [Время, 2005].

2.2. Лексико-семантические группы автостереотипа сибиряка

Материалом исследования автостереотипа сибиряка в языковой модели мира стали данные свободного ассоциативного эксперимента, проведенного с русскими студентами Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева, в период с 2013 по 2014 гг. Всего было проанкетировано 29 студентов, возрастной диапазон которых 17-22 лет. Студентам предлагалось охарактеризовать сибиряка, в результате мы получили разновидность этностереотипа – так называемый автостереотип – представление о народе, которое, как правило, позитивно [Карпенко, 1985: 431].

Частотность характеристик, полученных при опросе, занесена в таблицу и указана в процентах (см. таблицу № 1).

Понятие «сибиряк» раскрывается в качестве человеческого образа с доминантой мужского начала, как в физическом облике, так и внутреннем содержании.

Таблица № 1.

Реакции русских на слово-стимул «сибиряк» за 2014 г.

Сибиряк	2014 г.
Выносливый	8,4
Стойкий	5,2
Сильный	5,2
Морозоустойчивый	4,2
Крепкий	2,1
Приспосабливается	2,1
Коренастый	1,05
Закаленный	1,05
Смелый	1,05
Тепло одеваться	3,1
Открытый	6,3
Щедрый	5,2
гостиприимный	5,2
Радушный	5,2
Добрый	4,2
Душевный	4,2
Сдержанный	4,2
Строгий	1,05
Резкий	1,05
Простодушный	1,05
Искренний	1,05
Терпеливый	1,05
Замкнутый	1,05
Трудолюбивый	2,1
Лень	2,1
Упорный	1,05
Независимый	1,05
Свободолюбивый	1,05
Умный	2,1
Вдумчивый	1,05
Серьезный	1,05
Быстро говорит	2,1
Немногословность	1,05
Красивый	1,05

Реакции респондентов можно объединить в несколько смысловых групп. Первая группа – «адаптивность» (33,45%) включает в себя следующие характеристики: «выносливый» (8,4%), «стойкий» (5,2%), «сильный» (5,2%), «морозоустойчивый» (4,2%), «крепкий» (2,1%), «приспосабливается» (2,1%), «коренастый» (1,05%), «закаленный» (1,05%), «смелый» (1,05%), «красивый»

(1,05%). Встречаются и паремические реакции регионального характера: «Сибиряк не тот, кто не мерзнет, а тот, кто тепло одевается» (3,1%). Эта группа занимает достаточно большую долю в целостном образе сибиряка в связи с особенностью сурового климата, в котором он вынужден жить, с постоянным преодолением природных катаклизмов.

Такая модель мира и система ценностей сибиряка объясняется, в первую очередь, тем, что сибиряк живет среди тайги и неразрывно связан с природой: она его кормит, одевает и лечит. Жизнь в суровом климате оставила неизгладимый след в сибиряке – человек стал трудолюбивым, хозяйственным, бережливым, запасливым, но, одновременно, гостеприимным и хлебосольным. Особенно ценятся сибиряком свобода, стойкость, мужественность, надежность, молчаливость и справедливость.

Группа, занимающая второе по значительности место в автостереотипе сибиряка, обозначает отношение сибиряков к людям (40,8%): «открытый» (6,3%), «щедрый» (5,2%), «гостеприимный» (5,2%), «трудолюбивый» (2,1%), «радушный» (5,2%), «добрый» (4,2%), «душевный» (4,2%), «сдержанный» (4,2%), «строгий» (1,05%), «резкий» (1,05%), «простодушный» (1,05%), «искренний» (1,05%), «терпеливый» (1,05%), «замкнутый» (1,05%), «красивый» (1,05%).

Сибиряки отличаются запасливостью, трудолюбием, что связано с особенностями климата Сибири – короткое лето и долгие морозные зимы. «Если хозяева-старатели запаслись овощью, ягодами, капустой – одолевали зиму без нужды и горя, нащелкивая кедровые орехи, говорили вечерами сказки, а с крещенских трескучих морозов принимались гулять, справлять свадьбы, именины и все праздники подряд» [Астафьев, 1997: 149].

Хотя сибиряки всегда бережливы и экономны, в праздник они отличаются хлебосольством и гостеприимностью: «Столы накрыты по сибирскому закону: всё, что есть в печи, в погребе, в кладовке, всё, что скоплено за долгий срок, теперь должно оказаться на столе. И чем больше, тем лучше» [Астафьев, 1997: 179].

Третье место в образе сибиряка занимает отношение к труду (5,25%): «трудолюбивый» (2,1%), но при этом отмечается «лень» (2,1%), «упорный» (1,05%).

Семантическая группа, показывающая отношение сибиряка к свободе (2,1%): «независимый» (1,05%), «свободолюбивый» (1,05%).

Семантическая группа «ум» (4,2%): «умный» (2,1%), «вдумчивый» (1,05%), «серьезный» (1,05%).

Семантическая группа «манера говорить», «общительность»: «быстро говорит» (2,1%), «немногословность» (1,05%).

Наименее представлена семантическая группа «внешность»: «красивый» (1,05%). Это объясняется тем, что для самих сибиряков это не является особенным качеством, гораздо важнее в жизни сибиряка – характер, благодаря чему и существует стереотип под названием «сибирский характер», обозначающий силу воли, надежность и верность традиции.

По мнению большинства респондентов, сибиряки - это сильные и смелые люди, которые мужественно переносят трудности, не боятся холода, отличаются отменным «сибирским здоровьем» и любят свой суровый край. В одной из анкет прямо говорится, что «если человек, живущий в Сибири, не любит тайгу и Енисей, не способен восхищаться красотой окружающей природы, - он не сибиряк». Все респонденты подчеркивают жизнелюбие и оптимизм сибиряков, их телесную могучесть и крепость духа.

Ядерным значением автостереотипа сибиряка стала характеристика «выносливый» (8,2%), околоядерное значение возглавила реакция «открытый» (6,3%), периферию возглавили группы их синонимов.

Частыми характеристиками сибиряка становятся такие качества, которые ценятся во все времена: «сильный», «могучий», «добрый», «умный», «серьезный», «открытый», «гостеприимный», «щедрый», «трудолюбивый», «честный», «смелый», «надёжный» и т.д. «Они (сибиряки) привыкли к вековечному, замедленному и незыблемому укладу жизни» [Астафьев, 1997: 387]. Этот внешне могучий человек отличается такими нравственными

качествами, как храбрость, решительность, гордость, а также умением отстаивать свою точку зрения, готовностью защищать свою Родину и своих близких. Благодаря психокультурному исследованию, проведенному по методике ассоциативного эксперимента, становится очевидно, что в сознании красноярского студенчества территориальное пространство Сибири порождает своего жителя – сибиряка. При этом данное понятие потенциально содержит в себе понимание горожан Красноярска как носителей данного качества, а значит и дает представление о самоидентификации респондентов.

2.3. Культурно-маркированная лексика гетеростереотипа китайца в описании сибиряка

Ключевой характеристикой модели мира одного этноса является мнение о ней и ее носителей модели мира другого этноса, которое представляет собой разновидность этностереотипа и называется гетеростереотип. Гетеростереотип – это представление об этнопсихологическом облике другого народа, которое может быть позитивным, нейтральным или негативным. Для гетеростереотипов характерна склонность к антропостереотипам, то есть обусловленности стереотипа внешним обликом индивида [Карпенко, 1985: 431].

Материал исследования образа Сибири и ее жителей в китайской модели мира составили данные свободного ассоциативного эксперимента, проведенного с иностранными студентами-стажерами Красноярского Государственного Педагогического Университета имени Виктора Петровича Астафьева, в период с 2013 по 2014 гг, Всего было проанкетировано 37 студентов, возрастной диапазон которых 20-25 лет. Частотность характеристик, данных при опросе, занесена в таблицы и указана в процентах:(см таблицу № 2)

Ассоциативный ряд символов со значением «Сибирь»

Для выявления представлений китайцев о Сибири, респондентам были заданы следующие вопросы:

1. Что или кто для Вас является символом, олицетворением, «визитной карточкой» Сибири.

2. Назовите характерные черты, свойственные, по нашему мнению, Сибири.

В результате обработки ответов были выделены описательные характеристики слова-стимула «Сибирь», сгруппированные в таблице.

Таблица № 2.

Сводная таблица «Символы Сибири» за 2013 и 2014 гг. Расчеты указаны в процентах.

Символы	2013 г.	2014 г.
Енисей	17	13
Столбы	14	13
Часовня	13	2
ГЭС	5	4
Овсянка	2	2
Мост	-	-
Вокзал	-	-
Красная площадь	-	-
Енисейский острог	-	-
Богатый	2	4
Большая территория	2	6
Красная земля	2	2
Лес	2	2
Красивая природа	4	6
Чистая земля	2	4
Хорошая земля	2	2
Медведь	2	2
Мороз	2	4
Снег	-	-
Холодно	2	8
Дубенский	-	-
Ленин	-	-
Ссылка декабристов	-	-

Суриков	2	8
Театр Оперы и балета	-	-
Церковь	-	-
ул. Мира	-	-
Лев	19	19

Представление о Сибири на уровне индивидуального сознания состоит из ядерной и периферийной составляющих. Ядерная составляющая национального образа – это относительно стабильный традиционно-бытовой уклад жизнедеятельности этноса, который определяется природными условиями, особенностями быта, национальной кухни, одежды, обычаев. Представление об этой стороне этноса формируется в результате непосредственной жизнедеятельности внутри этнической группы. Это стабильные, консервативные элементы. У китайских респондентов традиционно-культурные символы, которые должны были отражать национально-культурные особенности Сибири, изображают реку Енисей (2013 г. – 27%, 2014 г. – 13%); группу исторических достопримечательностей (2013 г. – 34%, 2014 г. – 21%), в которой наиболее частотными реакциями являются: «Часовня» (2013 г. – 13%, 2014 г. – 2%), «Столбы» (2013 г. – 14%, 2014 г. – 13%), «ГЭС» (2013 г. – 5%, 2014 г. – 4%); группу с общим значением «Ресурсы» (2013 г. – 16%, 2014 г. – 26%): «богатый» (2013 г. – 2%, 2014 г. – 4%), «большая территория» (2013 г. – 2%, 2014 г. – 6%), «красивая природа» (2013 г. – 4%, 2014 г. – 6%). Достаточно большой удельный вес в символике «сибирского» занимают группы: «Климат» (2013 г. – 4%, 2014 г. – 12%) и «История» (2013 г. – 2%, 2014 г. – 8%). Наименьшие по частотности характеристики относятся к группам: «Фауна» («Медведь»: 2013 г. – 2%, 2014 г. – 2%) и «Национально-политическая символика» («Лев»: 2013 г. – 19%, 2014 г. – 19%).

Ассоциативные реакции на слово-стимул «русский» (см таблицу № 3)

Прежде, чем дать характеристику сибиряку, китайским студентам было предложено охарактеризовать русского человека. Это необходимо для того, чтобы, во-первых, узнать отличаются ли русский и сибиряк в сознании китайцев, во-вторых, выявить при сравнении реакций сходство и различие русского и сибиряка.

В ходе ассоциативного эксперимента были получены следующие реакции на стимул «Русский»:

Первая семантическая группа: РУССКИЙ – «добрый» (23,04% в 2013 г. и 14,81% в 2014 г.) – «хороший» (5,12% и 3,7%) – «веселый» (5,12% и 7,4%) – «жизнерадостный» (2,56% в 2013 г.).

Вторая группа: РУССКИЙ – «красивый» (20,48% и 3,7%) – «высокий» (7,68% и 11,11%) – «худой» (5,12% в 2013 г.) – «модный» (3,7% в 2013 г.).

Третья группа: РУССКИЙ – «открытый» (5,12% и 3,7%) – «прямодушный» (5,12% в 2014 г.) – «общительный» (2,56% в 2014 г.).

Таблица № 3

Реакции китайцев на слово-стимул «русский» за 2013 и 2014 гг.

Русский человек	2013	2014
Добрый	9	4
Красивый	8	1
Смелый	3	-
Высокий	3	3
Открытый	2	1
Прямодушный	2	-
Хороший	2	1
Скромный	2	1
Веселый	2	2
Худой	2	-
Умный	2	2
Общительный	1	-
Жизнерадостный	1	-
Храбрый	-	4
Честный	-	2

Сильный	-	2
Модный	-	1
Любит пить водку	-	1
Талантливый	-	1
Трудолюбивый	-	1

Четвертая группа: РУССКИЙ – «смелый» (7,68% в 2013 г.) – «сильный» (7,4% в 2014 г.) – «храбрый» (14,81% в 2014 г.).

Пятая группа: РУССКИЙ – «талантливый» (3,7% в 2014 г.) – «трудолюбивый» (3,7% в 2014 г.).

Шестая группа «Необъединенные реакции»: «скромный» (5,12% и 3,7%), «умный» (5,12% и 7,4%), «честный» (7,4% в 2014 г.), «любит пить водку» (3,7% в 2014 г.).

Объединив реакции (характеристики) с общим ядерным значением в семантические синонимические ряды, мы можем посчитать доли этих характеристик в образе РУССКОГО. На первую группу, с общим семантическим ядерным значением «добрый», в 2013 г. приходится 35,84%, в 2014 г. – 25,91%. Вторая группа, с ядерным значением «красивая внешность», занимает 33,28% в 2013 г. и 18,51% в 2014 г. Третья группа, имеющая общее значение «открытый», занимает 7,68% в 2013 г. и 8,82% в 2014 г. Четвертая группа, с ядерным значением «мужественный», составляет 7,68% в 2013 г. и 22,21% в 2014 г. Пятая группа синонимического ряда, с основным значением «трудолюбивый», занимает 7,4% в 2014 г. Остальные реакции, необъединенные в группы, занимают 10,24% в 2013 г. и 22,2% в 2014 году.

Таким образом, ядерным значением для слова-стимула РУССКИЙ и в 2013 г. и в 2014 г. является реакция «добрый» (35,84% и 25,91%), затем периферию в 2013 г. возглавляет «красивый» (33,28% и 18,51%), а в 2014 г. – «мужественный» (7,68% и 22,21%), третью позицию занимает «открытый» (7,68% и 8,82%).

Внешние силы в русской истории всегда играли огромную роль. Достижения России всегда были связаны с иностранцами. Как только

русские сами брались за дело, так все быстро разваливалось. Причиной являлась их неспособность к самоконтролю, управлению собой. Большинство русских производят впечатление добродушных и даже милых людей, не любящих суету и спешку, не склонных мудрствовать лукаво. Благодаря таким качествам, они способны спокойно переносить любые беды и трудности, идти до конца, не останавливаясь на полпути, смело устремляться вперед. В то же время эта их особенность позволяет им проявлять необычайную терпеливость ко всякого рода несчастьям, включая различные модели государственного устройства, как бы они им ни нравились.

Необходимо отметить, что в китайских научных исследованиях можно найти описание русского. Например, в работах Го Цина (郭庆), Чжай Йонгцун (翟永存) написано: “трутолюбивые, умные и смелые русские люди сделали большой вклад в дело мира для человечества, и они любят народное искусство” [Го Цин, 1995], “в свободное время русские люди часто разговаривают о политике” и “русские очень любят пить водку” [Чжай Йонгцун, 2003]. Однако научных лингвистических исследований, в которых был бы представлен образ сибиряка, мы не нашли, поэтому было проведено анкетирование среди китайских студентов для того, чтобы составить представление о сибиряках.

Лексические способы идентификации слова-стимула «сибиряк» в мышлении китайца (см таблицу № 4)

Таблица № 4

Реакции китайцев на слово-стимул «сибиряк» за 2013 и 2014 гг.

Сибиряк	2013 г.	2014 г.
Красивый	10,2	5,26
Добрый	10,2	12,28
Высокий	8,16	5,26
Смелый	6,12	1,75
Хороший	6,12	1,75

Зимостойкий	4,08	3,5
Ласковый	4,08	-
Душевный	4,08	-
Сильный	4,08	15,78
Верный	4,08	
Умный	4,08	5,26
Честный	4,08	3,5
Веселый	4,08	5,26
Жизнерадостный	4,08	-
Общительный	4,08	-
Решительный	2,04	-
Тихий	2,04	-
Любит пить	2,04	-
Скромный	2,04	1,75
Теплый	2,04	-
Крепкий	2,04	-
Щедрый	2,04	-
Знойный	2,04	-
Большеглазый	2,04	-
Суровый	-	1,75
Ленивый	-	1,75
Храбрый	-	10,52
Трудолюбивый	-	1,75
Мужественный	-	1,75
Серьезный	-	1,75
Честный	-	3,5
Истинный	-	1,75
Помогает другим	-	1,75
Огненный	-	3,5
Дружный	-	1,75
Водка	-	1,75
Пиво	-	1,75
Спорт	-	1,75
Великодушный	-	1,75
Упорный	-	1,75
Твердый	-	1,75

Анализ ассоциативной связи между стимулом «Сибиряк» и группами реакций, объединенных по семантическим признакам, в основе которого лежит классификация Л.В. Газизовой [Газизова, 2006], выявил следующие характерные для иностранных студентов способы идентификации:

1. Идентификация слова-стимула с опорой на промежуточный элемент ассоциативного процесса, которая необходима, когда в процессе анализа фактического материала исследователь сталкивается со странными и порой необъяснимыми реакциями. В этом случае проводится постэкспериментальный опрос, в ходе которого исследователь должен выявить третье звено (слово) в цепи стимул-реакция, при помощи которого произошло сращение в сети ментальных пространств испытуемого.

Для примера рассмотрим ассоциативные пары СИБИРЯК – «знойный» (2,04%), «огненный» (3,5 %) и СИБИРЯК – «истинный» (1,75%). Из разъяснений испытуемых выяснилось, что, называя реакцию «знойный», «огненный», они имели ввиду не характер, а тот факт, что сибиряк вынужден жить на территории, где большую часть времени года занимает зима, но это осталось невербализованным в ходе эксперимента, хотя в сознании испытуемого присутствовало отчётливое представление об этом факте. Ассоциативная пара СИБИРЯК – «истинный» означает открытость характера и прямолинейность, свойственная сибиряку.

Всегда сибиряки отличались простотой и честностью, слов на ветер не бросали, делали всё от души. «Северяне, в отличие от южан, не красуются и не наглеют, торгуя чем-либо, они как бы даже стесняются такого занятия, тогда как южане получают от торговли удовольствие, делают из него театр, где и цирк» [Астафьев, 1997: 291]. «Они (южане) пели и гуляли, но не дрались, чем очень озадачивали красноярцев, которые всё делали с маху и в работе вели себя, как в драке» [Астафьев, 1997: 387].

Сибиряки отличаются запасливостью, трудолюбием, что связано с особенностями климата Сибири – короткое лето и долгие морозные зимы. «Если хозяева-старатели запаслись овощью, ягодами, капустой – одолевали зиму без нужды и горя, нащелкивая кедровые орехи, говорили вечерами сказки, а с крещенских трескучих морозов принимались гулять, справлять свадьбы, именины и все праздники подряд» [Астафьев, 1997: 149].

2. Идентификация слова-стимула с опорой на «абстрактную» понятийную систему. «Абстрактная» понятийная система, в отличие от «конкретной» понятийной системы, характеризуется высокой степенью интеграции, дифференциации и свободы от непосредственных свойств ситуации, а также определённой независимостью, гибкостью и креативностью. Примерами могут служить следующие реакции: «душевный» (4,08%), «великодушный» (1,75%).

3. Идентификация слова как уяснение его значения для самого себя:

а) Идентификация словоформы происходит с опорой на синонимы, или так называемые психологические симиляры. Согласно результатам эксперимента, синонимизация для иностранцев является одним из основных способов определения значения слова. Данный способ уяснения значения можно проиллюстрировать следующими примерами реакций:

Первая группа: СИБИРЯК – «добрый» (10,2% в 2013 г. и 12,28% в 2014 г.) – «хороший» (6,12% и 1,75%) – «душевный» (4,08% в 2013 г.) – «великодушный» (1,75% в 2014 г.) – «веселый» (4,08% и 5,26%) – «жизнерадостный» (4,08% в 2013 г.).

Вторая группа: СИБИРЯК – «тихий» (2,04% в 2013 г.) – «скромный» (2,04% и 1,75%).

Третья группа: СИБИРЯК – «зимостойкий» (4,08% и 3,5%) – «теплый» (2,04% в 2013 г.) – «знойный» (2,04% в 2013 г.) – «огненный» (3,5% в 2014 г.).

Четвертая группа: СИБИРЯК – «общительный» (4,08% в 2013 г.) – «помогает другим» (1,75% в 2014 г.) – «дружный» (1,75% в 2014 г.).

Пятая группа: СИБИРЯК – «смелый» (6,12% и 1,75%) – «сильный» (4,08% и 15,78%) – «решительный» (2,04% в 2013 г.) – «крепкий» (2,04% в 2013 г.) – «суровый» (1,75% в 2014 г.) – «храбрый» (10,52 в 2014 г.) – «серьезный» (1,75% в 2014 г.) – «мужественный» (1,75% в 2014 г.) – «упорный» (1,75% в 2014 г.) – «твердый» (1,75% в 2014 г.).

Таким образом, объединив реакции (характеристики) с общим ядерным значением в семантические синонимические ряды, мы можем посчитать доли этих характеристик в образе СИБИРЯКА. На 1 группу с общим семантическим значением «добрый» в 2013 г. приходится 28,56%, в 2014 г. – 21,04%. Вторая группа со значением «скромный» занимает 4,08% в 2013 г. и 1,75% в 2014 г. Третья группа, имеющая общее значение «зимостойкий», занимает 8,16% в 2013 г. и 7% в 2014 г. Четвертая смысловая группа «дружный» составляет 4,08% в 2013 г. и 3,5% в 2014 г. Пятая группа синонимического ряда с основным значением «мужественный» занимает 14,28% в 2013 г., 33,3% в 2014 г.

Такая модель мира и система ценностей сибиряка объясняется, в первую очередь, тем, что сибиряк живет среди тайги и неразрывно связан с природой: она его кормит, одевает и лечит. Жизнь в суровом климате оставила неизгладимый след в сибиряке – человек стал трудолюбивым, хозяйственным, бережливым, запасливым, но одновременно, гостеприимным и хлебосольным. Особенно ценятся сибиряком свобода, стойкость, мужественность, надежность, молчаливость и справедливость.

б) Идентификация исходного слова с опорой на антонимы или психологические оппозиции.

В ходе эксперимента было получено большое количество противоречивых реакций от испытуемых студентов-иностранцев. Например, СИБИРЯК – «ленивый» (1,75% в 2014 г.) – «трудолюбивый» (1,75% в 2014 г.); «веселый» (4,08% и 5,26%) – «серьезный» (1,75% в 2014 г.); «любит пить водку» (2,04% и 1,75%) – «спорт» (1,75%).

Заметим, что стереотип о русских людях как пьющих рассеивается при очном знакомстве иностранцев с сибиряками, о чем свидетельствует снижение процента такой характеристики как «любит пить водку» (или название алкоголя «водка») в опросе и появление реакции «спорт».

4. Реакции паремии. В отдельную группу реакций были выделены данные иностранными студентами пословицы и поговорки,

которые всегда считались и считаются неким показателем человеческой мудрости. Будучи «кристаллизованными» знаниями человека, пословицы и поговорки легко воспроизводятся испытуемыми при предъявлении стимула: например, СИБИРЯК – «не тот, кто не мерзнет, а тот, кто тепло одевается» (4,08 %).

В материалах эксперимента с иностранными студентами ядерное значение и периферийные члены могут варьироваться в зависимости от знания языка опрашиваемых. Стратегия типизации проявляется в следующих примерах: образ СИБИРЯКА в 2013 году, то есть при первом знакомстве иностранных студентов с жителями Сибири, имел следующие характеристики: ядерное значение - «добрый» (28,56%), периферийные – «мужественный» (14,28%), «зимостойкий» (8,16%), дружный (4,08%) и «скромный» (4,08%). В 2014 г. в образе СИБИРЯКА на первое место выходит периферийная в 2013 г. реакция «мужественный» (33,3%), ядерное значение в 2013 г. «добрый» опускается до периферийного (21,04%), затем располагаются значения «зимостойкий» (7%), «дружный» (3,5%) и «скромный» (1,75%).

Таким образом, в начале обучения иностранных студентов ядерное значение слова-стимула СИБИРЯК совпадает с ядерным значением слова-стимула РУССКИЙ, но в связи с более глубоким изучением русского языка иностранными студентами и с приобретением опыта общения с сибиряком ядерные значения для РУССКОГО и СИБИРЯКА расходятся.

2.4. Оценочная лексика в автостереотипе китайца

Самоопределение (или автостереотип) китайцев в языковой модели мира необходимо выяснить для того, чтобы узнать ценности данного этноса. (см таблицу № 5)

Таблица № 5

Реакции китайцев на слово-стимул «китаец» за 2013 и 2014 гг.

Китайцы	2013 и 2014 гг.
Трудолюбивые	16,64
Умный	12,48
Добрый	8,32
Скромный	8,32
Мирный	8,32
Стойкий	4,16
Смелый	4,16
Вежливый	4,16
Крепкий	4,16
Ответственный	4,16
Воодушевленный	4,16
Хлебоольный	4,16
Мужественный	4,16
Веселый	4,16
Мудрый	4,16
Быстрый	4,16

В результате анкетирования выяснилось, что иностранные студенты характеризуют КИТАЙЦЕВ как, в первую очередь, трудолюбивых людей (16,64%), умных (12,48%), добрых (8,32%), скромных (8,32%) и мирных (8,32%), затем встречаются такие характеристики как: «стойкий» (4,16%), «смелый» (4,16%), «вежливый» (4,16%), «крепкий» (4,16%), «ответственный» (4,16%), «воодушевленный» (4,16%), «отзывчивый» (4,16%), «преданный» (4,16%), «простодушный» (4,16%), «хлебосольный» (4,16%), «мужественный» (4,16%).

Реакция «трудолюбивый» оправдываются тем, что Китай занимает всего лишь 7% от площади земного шара, но кормит 22% населения Земли. Интересно, что китайская народная мудрость гласит: «трудолюбие может восполнить глупость». Также китайцы считают, что во сне человек мертв, так как он ничего не делает, и, соответственно, трудолюбие продлевает жизнь.

Жители Китая ценят скромность и не терпят хвастовства, объясняя это тем, что «даже луна, достигнув идеальной круглой формы, постепенно становится вновь не полной». Олицетворением мирного и стойкого характера для китайцев является вода (ср. русская поговорка «вода и камень точит»):

изначально в древнекитайской мифологии и натурфилософии инь-ян («тай цзы», Великий Предел) – символ созидательного единства противоположностей во Вселенной изображался как две капли воды. Вода всегда может найти выход, изменив свою форму, но это не проявление слабости, так как она способна превращаться в стихию и уничтожать все на своем пути.

В результате быстрого роста экономики произошли изменения в социальной структуре китайского общества. Появились новые социальные слои и группы: предприниматели и менеджеры, кооператоры, фермеры, наемные работники в частном секторе. Все более расширяется слой маргинальных групп. Необходимость учета множества несовпадающих интересов и потребностей социальных групп требует более глубокой разработки проблемы модернизации и демократизации политической системы со стороны руководящих органов КНР. Поэтому особенно актуальным является комплексный социально-философский анализ процесса модернизации политической системы КНР, обеспечивающей эти успехи. Однако этими успехами Китай тесно связан с особенностями национального характера жителей [Чжао Айго, 2000].

Много веков назад, когда под воздействием конфуцианской системы ценностей все, что было связано со сферой чувств, с эмоциональным началом, личными переживаниями, склонностями и интересами, оттеснялось на задний план перед категорией долга. Именно она в течение столетий во многом определяла национальный характер и правила поведения китайцев. Воспитанным человеком считался только тот, кто соединял в себе гуманность и чувство долга. Долг перед обществом требовал повиноваться принятым нормам и не выходить за рамки привычного. Долг перед семьей заставлял человека обуздывать свои страсти и желания. Поэтому во взаимоотношениях (и в обществе, и в семье) китайцы должны были следовать принятому стереотипу поведения, контролировать свои чувства,

сдерживать свои эмоции и подчинять их установленной норме [Чжао Айго, 2000].

Учения Конфуция и Лао-цзы, проповедующие принцип золотой середины, определили особенности образа жизни китайцев и их характера. Выбирая средний путь, то есть, избегая в своем поведении крайностей, можно обеспечить хорошее здоровье и долголетие. Крайности разрушают физическое здоровье и душевное спокойствие. Так считали китайские философы, и современные китайцы проповедуют спокойствие и умеренность во всем. Проявлять открыто свои чувства, хвалиться в Китае не принято. Скромность и умеренность приветствуется во всем. Например, китаец не примет подарок сразу, нужно предложить его несколько раз. По мнению китайцев, принять подарок сразу означает показать свою жадность. Или, в ответ на похвалу за хорошую работу китаец, скорее всего, скажет, что в его работе необходимы улучшения. Это не значит, что китайцы не любят похвалу, просто это лишь вежливая формула. Европейскому человеку непросто понять, когда китаец говорит правду, а когда проявляет вежливую скромность. С другой стороны, хвастливый европеец вряд ли завоеует симпатии китайцев [У Гохуа(吴国华)].

Характерной чертой китайцев является их способность не отказывать напрямую, не выполняя просьбу. Китаец не может сказать «нет», боясь обидеть человека. Он будет ссылаться на занятость, переносить сроки, предлагать что-либо взамен, но прямым отказом не ответит. В Китае не принято унижать человека прилюдно, повышать на него голос, так как для китайца очень важно сохранить свою репутацию. Мимика у жителей Китая также очень сдержанна и основную информацию о чувствах человека дают его глаза и брови. В Китае считается нетактичным делать комплимент женщине, особенно малознакомой, связанный с ее внешностью, особенностями лица, фигуры. Характер китайцев складывался веками. На его формирование оказали влияние духовные учения, особенно конфуцианство, а также отсутствие демократических традиций, не прошел бесследно и Мао

Цзэдун. Наричательными стали такие понятия как "китайские церемонии" и "китайская дипломатия". Через них трудно пробиться к настоящему китайцу, но, тем не менее, мы знаем их как внешне невозмутимых, терпеливых, выносливых, трудолюбивых. "Западный ветер" сильно стал влиять на китайский образ жизни и характер, и в них стали вплетаться и конъюнктурность, и рациональность и многое другое [Ду Гуйжин(杜桂枝)].

Таким образом, для автостереотипов характерно стремление внести в их содержание идеалы собственного этноса, поддержание наиболее самобытных качеств национального характера. И действительно, для китайцев наиболее важны три вещи: трудолюбие, образованность, почитание предков. Сибиряки гордятся выносливостью, связанной с преодолением суровых климатических условий, и гостеприимностью-хлебосольством, показывающие открытость и щедрость хозяев.

2.5. Словесный образ китайца в гетеростереотипе сибиряка

В целях определения этнической толерантности сибиряков по отношению к китайцам, изучения соотношения позитивности и негативности авто- и гетеростереотипов, были исследованы сибирские гетеростереотипы китайского этноса. Для точности проведения эксперимента, респонденты были разделены на группы: сибиряки, не имеющие контакт с иностранцами, и сибиряки, общающиеся с иностранцами.

Обработке подверглись ответы сибиряков на аналогичные вопросы о жителях Китая:

1. Что или кто для Вас является символом, олицетворением, «визитной карточкой» китайского народа, понятия «китайское».
2. Назовите характерные черты, свойственные, по Вашему мнению, китайцам.

Лексический портрет китайца в мышлении сибиряка, ограниченного в общении с иностранцами(см таблицу № 6)

Таблица № 6

Реакции сибиряков на слово-стимул «китаец» за 2014 г. (не общающиеся с китайцами)

Китайцы	2014 г.
невысокий	15
желтый	6
запах	3
черноволосый	3
узкоглазый	3
хитрый	9
умный	6
мудрый	3
большое количество	12
доброжелательный	9
веселый	9
дружелюбный	9
быстрый	6
кроткий	3
неопрятный	3
бездушный	3
вредный	3
скрытный	3

Сибиряки, не общающиеся ежедневно с китайцами, отмечают, во-первых, их специфическую внешность (30%): «невысокий» (15%) – «желтый» (6%) – «запах» (3%) – «черноволосый» (3%) – «узкоглазый» (3%); во-вторых, «ум» - 18%: «хитрый» (9%) – «умный» (6%) - «мудрый» (3%); в-третьих, русские отмечают большое количество китайцев (12%); в-четвертых, характеризуют китайцев как «доброжелательных», «веселых» и «дружелюбных» (9%); наравне с доброжелательностью названо такое качество китайцев как «трудолюбие» (9%), реже называются характеристики «быстрый» (6%) и «кроткий» (3%). Несмотря на общий положительный образ китайца, составленного русскими, встречаются и отрицательные реакции (12%) на стимул КИТАЕЦ: «неопрятный» (3%) – «бездушный» (3%) – «вредный» (3%) – «скрытный» (3%).

В портрете китайца встречаются и противоречивые характеристики: «доброжелательный», «веселый», «дружелюбный» (9%) – «бездушный», «вредный», «скрытный» (9%).

Ядерным значением для слова-стимула КИТАЕЦ у опрошенных сибиряков, не имеющих тесного общения с китайцами, является реакция «невысокий» (15% из 30% лидирующей в портрете китайца группы «внешность»), затем периферию возглавляет «много» (12%), третью позицию занимают прилагательные «трудолюбивый» (9%) и «хитрый» (9%).

Китайцы очень веселые, душевные и сообразительные люди, но их представления о правилах хорошего тона не совпадают с правилами русского человека. Поэтому иностранных гостей они могут запросто спросить о возрасте, семейном положении, детях. У китайцев много всяческих норм и правил поведения, которые они соблюдают. Даже в быту существует множество правил, например, правила проезда в транспорте, правила посещения музея, кинотеатра. Они охотно придерживаются распорядка дня – ранний подъем в 5 часов утра, ранний отход ко сну, послеобеденный сон. Многие китайцы с удовольствием занимаются гимнастикой, особенно "тайцзицюань" – дошедшей из глубины веков системы упражнений для бодрости духа и укрепления тела. Не пренебрегают гимнастикой и государственные чиновники [ЛюХун (刘宏), 2013].

На формирование китайского общества и характера большое влияние оказали три религиозных вероучения: конфуцианство, даосизм и буддизм. Доминирует среди них конфуцианство. Автором его, как известно, был китайский философ VI-V вв. до н.э. Конфуций. Он учил, что в жизни каждый человек занимает предназначенное Небом место. И каждый должен добросовестно выполнять свои обязанности на своем месте: "Правитель должен быть правителем, отец – отцом, а сын – сыном". Поэтому вышестоящих принято уважать и не принято критиковать. Для этого учения характерен культ предков. В обязанность каждой китайской семьи входит обязанность регулярно обращаться к душам умерших предков для решения

жизненных проблем. Молитвы, обращенные к предкам, обычно произносит глава семьи – отец. В честь предков полагается совершать в определенные дни года семейные жертвоприношения. Китайцы стараются не пренебрегать этими традициями, ибо это считается большим грехом. Конфуций объяснил, почему так важно соблюдать традиции: "...Уничтожьте брачные обряды – не будет супругов, и разовьется разврат со всеми его преступлениями... Уничтожьте обряды погребения и жертвоприношений – дети не будут заботиться об усопших родителях, да и живым служить перестанут... Все перемешается, и возникнет хаос..."[Конфуция (孔子), 722 по 481 год до н. э]. Чтобы решить проблему "отцов и детей" Конфуций сформулировал пять обязанностей сыновнего благочестия: "Всегда выказывать полное уважение к родителям; доставлять им пищу самую любимую; скорбеть, когда они больны; до глубины души сокрушаться при их кончине; приносить им, усопшим, жертвы с (религиозной) торжественностью". При условии соблюдения этих правил можно избежать многих семейных конфликтов, ибо дети редко отваживаются "бунтовать" против родителей. Издревле в императорском Китае для того, чтобы получить государственную должность, нужно было сдать экзамен. А он включал обязательное знание правил, предложенных Конфуцием. В результате в Китае сформировалась профессиональная, слаженно работающая бюрократия. Другое учение, повлиявшее на формирование характера и образа жизни китайцев, был даосизм. Основателем его является древнекитайский философ Лао-цзы, живший в VI веке до н.э. Центральным понятием в этом учении является Дао – Всеобщий Закон и Абсолют, которому подчинена Вселенная. Лао-цзы говорил: "Человеком управляет Земля, Землей управляет Небо, Небом управляет Дао, а Дао управляет самим собой"[Лао-цзы(老子), VI веке до н.э]. Познать Дао, следовать ему, слиться с ним – в этом единственный смысл жизни и подлинное счастье для даоса. Открыв законы Дао, можно достичь бессмертия. Для этого даосы разработали различные методы и приемы - ограничения в еде и специальную диету, физические и дыхательные

упражнения, аналогичные упражнениям йогов. Даосизм удовлетворял в первую очередь высшие духовные потребности человека. Но не только. С VII века в Китае создаются крупные даосские монастыри, которые стали центрами медитаций, гаданий, занятий магией, алхимией, астрологией. Многие китайцы прибегали к услугам даосских монахов, чтобы узнать свое будущее, излечить болезни при помощи магических заклинаний, снять нервное напряжение посредством медитаций. Особенно востребованными даосы бывали в семьях, в которых умирал родственник, так как именно даосские монахи руководили обрядом погребения. Несмотря на то, что даосизм занимал весьма скромное положение по сравнению с конфуцианством, он все же оказал заметное влияние на формирование менталитета китайцев. В Китае говорят, что каждый образцовый китаец в социальной сфере – конфуцианец, а в душе он всегда немного даос. С I века н.э. получила распространение в Китае и одна из мировых религий – буддизм. Буддизм научил китайцев стойко переносить страдания, лишения, невзгоды. Большое влияние буддизм оказал на развитие китайского искусства. Однако исключительных приверженцев этой религии в Китае не так много [Чжао Айго(赵爱国)].

Таким образом, большую долю в портрете китайца, составленного сибиряками, занимает внешность, это объясняется тем, что опрошенные либо вообще не общались с иностранцами, либо имели небольшой опыт общения, поэтому могут судить лишь о внешности иностранцев.

Словесный образ китайца в мышлении сибиряка, контактирующего с иностранцами (см таблицу №7)

Таблица №7

Реакции сибиряков на слово-стимул «китаец» за 2014 г. (общающиеся с китайцами)

Китайцы	2014 г.
Трудолюбивы	16,2

хитрый	13,5
веселый	13,5
узкие глаза	8,1
желтая кожа	2,7
невысокий рост	2,7
верный	5,4
патриот	2,7
коллектив	2,7
настойчивый	2,7
усердный	2,7
старательный	2,7
любопытный	2,7
суетливый	2,7
шустрый	2,7
быстрый	2,7
раболепный	2,7
безвольный	2,7
двуличный	2,7
неаккуратный	2,7

Студенты, знакомые с иностранцами, в первую очередь подчеркивают трудолюбие китайцев (16,2%), во-вторых, называют такие качества как «хитрый» (13,5%) и «веселый» (13,5%). В-третьих, обозначается группа с общим значением «внешность китайца» (13,5%): «узкие глаза» (8,1%), «желтая кожа» (2,7%), «невысокий рост» (2,7%). На четвертом месте по частотности реакций группа прилагательных с общим значением «общность» (10,8%): «верный» (5,4%), «патриот» (2,7%), «коллектив» (2,7%). Такую же долю (10,8%) имеет группа реакций, характеризующая интерес к работе и к знаниям: «настойчивый» (2,7%), «усердный» (2,7%), «старательный» (2,7%), «любопытный» (2,7%). 8,1% от ответов сибиряков можно объединить под общим значением «темп»: «суетливый» (2,7%), «шустрый» (2,7%), «быстрый» (2,7%). Встречаются и отрицательные реакции на слово-стимул КИТАЕЦ (10,8%): «раболепный» (2,7%), «безвольный» (2,7%), «двуличный» (2,7%), «неаккуратный» (2,7%).

Слово-стимул КИТАЕЦ в группе студентов, контактирующих с иностранцами, имеет ядерное значение «трудолюбивый» (16,2%), периферию возглавляют свойства «хитрый» (13,5%) и «веселый» (13,5%).

По сравнению с реакциями группы студентов, не общающихся с китайцами, где основными характеристиками стали внешние данные объекта, в группе респондентов, имеющих контакт с иностранцами, основными характеристиками объекта стали внутренние свойства личности. «Трудолюбивый» фигурирует в обеих группах, но лишь во второй группе (студентов, знающих китайцев) эта реакция становится ядерным значением.

В гетеростереотипах внешний облик представителя соответствующего этноса связывают с определенными психическими чертами. На основе этнических стереотипов возникают соответствующие типы поведения и общения между представителями разных этносов.

Для сибиряков, не имеющих ежедневного контакта с представителями китайской модели мира, гетеростереотип китайца совпадал с антропостереотипом, что показывает либо коммуникативные неудачи при общении с иностранцами, либо отсутствие коммуникации вообще, а для русских, общающихся с китайцами продолжительное время, гетеростереотип совпал с автостереотипом китайцев, что доказывает успешность диалога между представителями разных культур.

В начале обучения иностранных студентов ядерное значение слова-стимула «сибиряк» совпадает с ядерным значением слова-стимула «русский», но в связи с более глубоким изучением русского языка иностранными студентами и с приобретением опыта общения с сибиряком ядерные значения для русского и сибиряка расходятся.

Итак, результаты ассоциативного эксперимента современных русских и иностранных студентов, выводы ученых-историков, географов и лексикологов, художественные образы Сибири и сибиряка не противоречат друг другу, а являются дополнительными доказательствами утверждения, что сибиряк – представитель действительно особого этноса и носитель особой

модели мира, которая отражается в истории, географии, культуре, менталитете и лингвистике.

Для исследования образа сибиряка в межкультурном диалоге был проведен свободный ассоциативный эксперимент, проведенный с русскими и иностранными студентами-стажерами Красноярского Государственного Педагогического Университета имени В.П. Астафьева. Респондентам предлагалось ответить ассоциативным рядом реакций на слова-стимулы этнографического характера: «Сибирь», «сибиряк», «русский», «китаец». При подсчете процентов наиболее частотных характеристик, были получены автостереотипы и гетеростереотипы. Сравнив результаты исследования, можно сделать следующие выводы: удачный диалог между сибиряком и китайцем возможен только в том случае, когда автостереотипы и гетеростереотипы представителей разных этносов совпадает, т.е. когда в диалог вступают носители объективной картины мира.

Заключение

Понятие «языковая модель мира» включает две связанные между собой, но различные идеи: 1) картина мира, предлагаемая языком, отличается от «научной» и 2) каждый язык рисует свою картину, изображающую действительность несколько иначе, чем это делают другие языки. Реконструкция языковой картины мира (ЯКМ) составляет одну из важнейших задач современной лингвистической семантики. Исследование ЯКМ ведется в двух направлениях, в соответствии с названными двумя составляющими этого понятия. С одной стороны, на основании системного семантического анализа лексики определенного языка производится реконструкция цельной системы представлений, отраженной в данном языке, безотносительно к тому, является она специфичной для данного языка или универсальной, отражающей «наивный» взгляд на мир в противоположность «научному». С другой стороны, исследуются отдельные характерные для данного языка концепты, обладающие двумя свойствами: они являются «ключевыми» для данной культуры и одновременно соответствующие слова плохо переводятся на другие языки: переводной эквивалент либо вообще отсутствует (как, например, для русских слов *тоска*, *надрыв*, *авось*, *удаль*, *воля*, *неприкаянный*, *задушевность*, *совестно*, *обидно*, *неудобно*), либо такой эквивалент в принципе имеется, но он не содержит именно тех компонентов значения, которые являются для данного слова специфичными (таковы, например, русские слова *душа*, *судьба*, *счастье*, *справедливость*, *пошлость*, *разлука*, *обида*, *жалость*, *утро*, *собираться*, *добираться*, *как бы*). У каждого народа имеется набор стереотипов, ассоциирующихся с определенными национальными или социальными группами. Сопоставление функционирования стереотипов в разных лингвокультурах приобретает особое значение, так как оно позволяет прояснить природу данного явления, выявить сходство или различие стереотипов, выраженных лексическими средствами носителей данных языков.

Поэтому в ходе исследования было решено рассмотреть и описать лингвокультурные стереотипы сибиряков и китайцев, так как это может способствовать расширению знаний в области культуры наших народов, а также разрушать ложные стереотипы и формировать истинные, укреплять дружественные отношения и развивать коммуникативные навыки иностранных студентов.

Итак, при изучении сибирского лингворегiona как составной части языковой модели мира, были рассмотрены исторические, географические, культурологические и лингвистические источники о сибирском регионе с целью проследить, как складывалась сибирская языковая модель мира в диахроническом аспекте. Целью следующей главы становится изучение лингвально-ментального образа сибиряка в синхроническом аспекте.

Сибиряки – особый этнос, отдельная народность со своими традициями, историей и отличными от россиян чертами характера. Сибирский характер – это не только выносливость и неприхотливость. Сибиряк более рационален, расчетлив, практичен, для него характерны инициативность и самостоятельность.

В системе ценностей ментальной модели мира сибиряков важнейшими являются мужество, стойкость, свобода, труд, гостеприимство. Сибиряка отличают строгий внешний вид и спокойная речь.

Языки Сибири относятся к разным языковым семьям, так как каждый малый коренной народ, проживающий на территории Сибири, имеет свой тип говора, в некоторых случаях возникают смешанные и «островные» говоры, что создает сложности при составлении лингвистической карты Сибири. Изучением лексики сибирских говоров занимались такие лингвисты, как Ф.П. Филина [1961], В.В. Палагина [1977], А.И.Федоров [1979] и др. Созданы различные сибирские региональные словари.

Для определения словесного портрета современного сибиряка был проведен ассоциативный эксперимент, в ходе которого русским студентам Красноярского государственного педагогического университета имени

В.П.Астафьева предлагалось охарактеризовать сибиряка. В результате мы получили автостереотип современного сибиряка, который выглядит следующим образом: «выносливый» и «открытый», - что связано, как нам кажется, с преодолением суровых климатических условий Сибири и традицией гостеприимства.

Ключевой характеристикой модели мира одного этноса является мнение о ней и ее носителей модели мира другого этноса. С целью выяснить лексический образ сибиряка и Сибири с точки зрения носителей восточной модели мира, в частности – китайцев, был проведен свободный ассоциативный эксперимент с иностранными студентами-стажерами КГПУ им. В.П.Астафьева. В представлении китайских студентов о Сибири наиболее частотными оказались образы-символы: «Енисей», «Часовня», «Столбы», что объясняется природными богатствами и историей Сибири. Образ Енисея является символом Сибири, т.к. река имеет большую значимость при выборе места для оседлой жизни. Часовня – исторический памятник архитектуры, который так же стал символом Красноярска. Столбы – заповедник Красноярска, который является его визитной карточкой. Причиной большого количества красноярских символов в образе Сибири стало то, что иностранцы большую часть времени проводят в г. Красноярске.

Прежде, чем дать характеристику сибиряку, китайским студентам было предложено охарактеризовать русского человека. Это необходимо для того, чтобы, во-первых, узнать отличаются ли русский и сибиряк в сознании китайцев, во-вторых, выявить при сравнении реакций сходство и различие русского и сибиряка.

Русский в представлении китайских студентов имеет ядерное значение «добрый», околоядерное значение «красивый» и периферийное – «мужественный».

При первом знакомстве иностранных студентов с жителями Сибири, сибиряк имел следующие характеристики: ядерное значение – «добрый», околоядерное – «мужественный», периферийные – «зимостойкий»,

«дружный» и «скромный». В 2014 г. в образе сибиряка на первое место выходит околядерная в 2013 г. реакция «мужественный», ядерное значение в 2013 г. «добрый» опускается до околядерного, затем располагаются значения «зимостойкий», «дружный» и «скромный».

Таким образом, в начале обучения иностранных студентов ядерное значение слова-стимула «сибиряк» совпадает с ядерным значением слова-стимула «русский», но в связи с более глубоким изучением русского языка иностранными студентами и с приобретением опыта общения с сибиряком ядерные значения для русского и сибиряка расходятся.

Итак, результаты ассоциативного эксперимента современных русских и иностранных студентов, выводы ученых-историков, географов и лексикологов, художественные образы Сибири и сибиряка не противоречат друг другу, а являются дополнительными доказательствами утверждения, что сибиряк – представитель действительно особого этноса и носитель особой модели мира, которая отражается в истории, географии, культуре, менталитете и лингвистике.

Список литературы

1. Андюсев Б.Е. Сибирское краеведение. – 2-е издание. – Красноярск, 2003. – 336 с.
2. Антология концептов. / Под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. – М., 2007. – 512 с.
3. Апресян, Ю.Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика. – М., 1986. – Вып. 28. – с. 5-33.
4. Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. – 1995. – №1. – С.37-67.
5. Астафьев В.П. Последний поклон: Повесть в рассказах. Кн.1-2. / Под ред. Гречицкой А.Ф., Моисеевой М.В. – Красноярск, 1997. – 461 с.
6. Бартминьский Е. Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике. / Пер. с польского. – М., 2005. – 528 с.
7. Чжао Айго (赵爱国). Языковой модель мира и культурный модель мира (语言世界图景与文化世界图景) // Китайское русское обучение (中国俄语教学). 2004(2).
8. Дай Чен (戴晨). Лингвистическое мировоззрение в западной развитии и анализ в российскрм языке(语言世界观在西方的发展和俄语中的分析)// Пекинский иностранный университет. – Пекин, 2001.
9. Пэн Вэньчжао (彭文钊). Модель мира как объект исследования лингвистики. (论世界图景作为研究语言学对象)// Иностранной обучение. – Пекин, 2003(2).
10. Блинова О.Н. Введение в современную региональную лексикологию. – Томск, 1975. – 257 с.
11. Блинова О.Н. Русская диалектология. Лексика: уч. пособие. – Томск, 1984. – 133 с.
12. Брутян Г.А. Языковая картина мира и ее роль в познании. // Методологические проблемы анализа языка. – Ереван, 1976. – С. 57-64.

13. Васильева С.П. Проблемы региональной топонимики. // Проблемы региональной лингвистики. – Красноярск, 2003. – 113 с.
14. Го Цин(郭庆). Русские люди. // этнический форум –Пекин, 1995(2).
15. Чжай Йонгцун(翟永存). Русские люди в глазах иностранцев. // Культурная коммуникация. Пекинский педагогический университет.– Пекин. 2003(4).
16. Воробьев В.В. Лингвокультурологическая парадигма личности. – М., 1996. – 169 с.
17. Газизова Л.В. Стратегии идентификации полисемантического слова (на материале разносистемных языков): Автореф. дис. ... канд. филол. наук: Спец. 10.02.19. – Уфа, 2006. – 186 с.
18. Говоры Сибири в синхронном и диахронном аспектах. / Отв. ред. В.В.Бибриш. – Красноярск, 1992. – 133 с.
19. Головановская М.К. Французский менталитет с точки зрения носителя русского языка: Автореф. дис. ... д. филол. наук: Спец. 10.02.05. – М., 1998. – 43 с.
20. Город у Красного Яра: Документы и материалы по истории Красноярска первой половины XIX века. / Сост. Г.Ф. Быконя. – Красноярск, 1986. – 320 с.
21. Ежегодник РЛЦ. / Под ред. О.В. Фельде (Борхвальдт). – Красноярск, 2001. – Вып. 1. – 178 с.
22. Историческая лексикология и лингвистическое источниковедение. / Отв. ред. О.В. Борхвальдт. – Красноярск, 1991. – 84 с.
23. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М., 2004. – 390с.
24. Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография. – М., 1996. – 264 с.
25. Коготкова Т.С. Русская диалектная лексикология. – М., 1979. – 334 с.
26. Колшанский Г.В. Объективная картина мира в познании и языке. – М., 1990. – 103 с.

- 27.Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: курс лекций. – М., 2002. – 284 с.
- 28.Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? – М., 2003. – 375 с.
- 29.Козьмин Н. И. Очерки прошлого и настоящего Сибири. СПб., 1910. С.162
- 30.Краткий психологический словарь. / Сост. Л.А. Карпенко; под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. – М., 1985. – 431с.
- 31.Леонтович О.А. Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения. – М., 2005. – 352 с.
- 32.Леонтьев А.А. Основы психоллингвистики. – Изд. 3-е. – М.-СПб., 2003. – 287 с.
- 33.Маслова В.А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М. 2001. – 208 с.
- 34.Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику. – М.,2007. – 296 с.
- 35.Маслова В.А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. завед. – М., 2001. – 208 с.
- 36.Матвеева Г.И. Фонетическая система старожильческих говоров юго-восточных районов Новосибирской области. // Материалы по фонетике и истории сибирских говоров. – Красноярск, 1975. – 132 с.
- 37.Опыт лесного словаря: На материале русских говоров Красноярского края. / Сост. К.П. Михалап. – Красноярск, 1994. – 44 с.
- 38.Палагина В.В. Диалектный состав первых жителей Томска. // Вопросы языкознания и сибирской диалектологии. – Томск, 1977. – Вып. 2. – С.98-105.
- 39.Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – Т. 3. – С. 3–256.
- 40.Любавский М.К. Историческая география России в связи с колонизацией//СПб.: Издательство «Лань», 2000. – С. 15-16, 240–241.
- 41.Невирко Д.Д. Особенности социализации личности в авторитарных институтах России 90-х годов. – Красноярск, 1999. – С. 39.

- 42.Словарь русского языка / сост. С.И. Ожегов. – М.: ОГИЗ, 1949. – С. 911.
- 43.Лурье С.В. Историческая этнология: учебное пособие для вузов. – М.: Аспект Пресс, 1997. – С. 228.
- 44.Цит. по : Очерки общественного движения в Сибири // Вестник знаний. Спб. 1908. – № 5. – С. 608.
- 45.Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. // М., 1993. С. 109–111.
- 46.Потанин Г. Н. Нужды Сибири // Сибирь, ее современное состояние и ее нужды. СПб., 1906. С. 262.
- 47.Ключевский В.О. Сочинения // в 9 т. Т. 1. Курс русской истории. Ч. 1. – М., 1987. С. 50.
- 48.Турбин С.О. и Старожил. Страна изгнанья и исчезнувшие люди. Сибирские очерки. – Спб., 1872. – С. 169.
- 49.Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. – М., 1993. – С. 109–111.
- 50.Этнография русского крестьянства Сибири// XVII – середина XIX вв. – М.: Наука, 1981; Русские старожилы Сибири. М., 1973. С. 165–166.
- 51.Любавский М.К. Историческая география России в связи с колонизацией// СПб.: Лань, 2000. С. 15–16, 240–241; Русские старожилы Сибири. М., 1973. С. 165–166.
- 52.Маркарян Э.С. Узловые проблемы теории культурной традиции // Советская этнография. – 1981. – № 2. – С. 81.
- 53.Палагина В.В. Фонетические особенности говора д. Заливино Тарского района Омской области. // Труды ТГУ. – Томск, 1955 – Т. 129.
- 54.Пестов Н. Записки об Енисейской губернии Восточной Сибири. – М., 1933.
- 55.Постовалова В. И. Существует ли языковая картина мира? // Язык как коммуникативная деятельность человека. – Сб. науч. трудов МГПИИЯ. – М., 1987. – Вып. 284. – С.65-72.
- 56.Проблемы исторической терминологии. / Отв. ред. О.В. Борхвальдт. – Красноярск, 1994. – 84 с.

57. Проблемы региональной лингвистики. // Межвузовский тематический сборник научных трудов. / Отв. ред. С.П. Васильева. – Красноярск, 1998. – 140 с.
58. Прохоров Ю.Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. – М., 1996. – 224 с.
59. Русский язык в Красноярском крае. / Отв. ред. Л.Г. Самотик. – Красноярск, 2002. – Вып. 1. – 402 с.
60. Русский ассоциативный словарь. / Сост. Караулов Ю.Н., Сорокин Ю.А., Тарасова Е.Ф., Уфимцева Н.В., Черкасова Г.А. Т. 1-6. – М., 1994-1999.
61. Садохин А.П., Грушевицкая Т.Г. Культурология. Теория культуры: учеб. пособие для вузов. – М., 2004.
62. Салихова Э.А. Основы психолингвистики. – Уфа, 2003. – 137 с.
63. Селищев А.М. Диалектологический очерк Сибири. // Селищев А.М. Избранные труды. – М., 1968.
64. Сенкевич В.А. Проблемы сибирской и уральской диалектологии. – Челябинск, 1975 – 71 с.
65. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. – М., 1993. – 123 с.
66. Сибирский характер как ценность. // Коллективная монография / Под общ. ред. М.И. Шиловой. – Красноярск, 2004. – 264 с.
67. Словарь золотого промысла Российской Империи. / Сост. О.В. Борхвальдт. – М., 1998.
68. Словарь русских говоров Забайкалья. / Сост. Элиасов Л.Е. – М., 1980. – 472 с.
69. Словарь русских говоров Новосибирской области. / Под редакцией А.И. Фёдорова. – Новосибирск, 1979. – 579 с.
70. Словарь русских говоров северных районов Красноярского края. / Отв. ред. Г.Г. Белоусова. – Красноярск, 1992.

- 71.Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р.Оби. / Под ред. В.В. Палагиной. – Томск, 1967. – Т. 3. – 220 с.
- 72.Словарь рыбаков и охотников Северного Приангарья. / Сост. В.И.Петроченко. – Красноярск, 1993. – 128 с.
- 73.Сукаленко Н.И. Отражение обыденного сознания в образной языковой картине мира. – Киев, 1992. – 164 с.
- 74.Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация: учеб. пособие. – М., 2000. – 624 с.
- 75.Тхорик В.И., Фанян Н.Ю. Лингвокультурология и межкультурная коммуникация. – М., 2005. – 260 с.
- 76.Цивьян Т.В. Модель мира и ее лингвистические основы. – Изд. 3-е, испр. – М., 2006. – 280 с.
- 77.Федоров А.И. Русский язык в Сибири. // Вопросы языкознания. – М., 1982. – № 2. – С. 81-89.
- 78.Филин Ф.П. Проект Словаря русских народных говоров. – М.-Л.,1961. – 148 с.
- 79.Хроленко А.Т. Основы лингвокультурологии: учебное пособие. – Москва, 2009. – 184 с.
- 80.Щапов А.П. Историко-географические заметки о Сибири: Значение первоначальных географических открытий в Сибири. Т. 4. – Спб., 1973. – С. 65-82.
- 81.Щукин Н.С. Материалы для сибирской библиографии: История, география, этнография, путешествия, статистика, технология и геогр. Карты. // Памятная книжка Иркутской губернии на 1865 год. – Иркутск, 1965. – С. 27-62.
- 82.Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира. // Вопросы языкознания. – М., 1994. – №5. – С. 73-89.
- 83.Ядринцев Н.С. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. – Новосибирск, 2003. – 555с.

84. У Гохуа(吴国华). Культурная семантика.// – Пекин. 2000.
85. Ду Гуйжин(杜桂枝). Китайское русское Обучение. // – Пекин. 2013. –С 1-8.
86. Лю Хун(刘宏). Межкультурная коммуникация и язык исследования// – Харбин. 2013. – С.27-31.
87. Чжао Айго(赵爱国). Лингвокультурологию Платформа. // –Харбин. 2006.75.
88. Конфуция(孔子). Лунь Юй (Беседы и суждения论语) //в конце эпохи Вёсен и осеней (722 по 481 год до н. э公元前)
89. Лао-цзы(老子). Дао Дэ Цзин(道德经)// VI веке до н.э(公元前九世纪)

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1.

Историческая и географическая справка о Сибири.

Сибирь – регион на севере и северо-западе Азии, между Уралом, степями Центральной Азии, Северным Ледовитым океаном и российским Дальним Востоком. К Сибири обычно относят бассейны рек Обь и Енисей, причем равнинный бассейн Оби считается Западной Сибирью, а гористый бассейн Енисея и Якутию – Восточной Сибирью. Иногда южными границами Сибири считают Алтай, Саяны и озеро Байкал, их отделяют от Сибири в особые регионы Алтай (Алтайский край и Горный Алтай), Туву и Забайкалье (Бурятию и Забайкальский край).

Площадь Сибири – 9 млн. 734,3 тыс. км², это 57% площади всей страны.

Население Сибири составляет 19 млн. 561 тыс. 087 чел. (на 01.01.2010), или 16,9% населения России [ОЦЕНКА ЧИСЛЕННОСТИ ПОСТОЯННОГО НАСЕЛЕНИЯ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ на 1 января 2010 года. Сибирский Федеральный Округ].

Этнографический состав населения Сибири разнообразен – множество малых коренных народов, таких как: буряты, долганы, кеты (или енисейские остяки), коми, манси (или вогуличи), селькупы (или остяки-самоеды), сибирские татары, ханты, чукчи, эвенки, эвены, юкагиры, юги (или сымские остяки), якуты, шорцы, русские, хакасы и др.

Основными причинами, обусловившими заселение Енисейской губернии, стали те события в истории России, которые повлекли за собой массовые ссылки: крестьянская война под руководством Степана Разина (1670-1671 гг.), крестьянская война под предводительством Емельяна Пугачева (1773-1775 гг.), восстание декабристов в Санкт-Петербурге (14 декабря 1825 г.), польские восстания (1772, 1793, 1795 гг.). Также население Сибири пополнялось крестьянами, которые бежали со строительства новых

объектов, например, Санкт-Петербурга при Петре I. Петр I ввёл рекрутские наборы в армию, что также способствовало бегству крестьян в Сибирь и т.п.

Но не только из-за конфликта свободомыслящих людей с государственным устройством заселялась Сибирь. Сибирский край всегда был богат пушниной, золотом и другими природными ресурсами региона, но самое главное – это существование здесь свободных плодородных земель.

С начала освоения Сибири начинает складываться её социальный состав населения. В XVII в. это были казаки, которых отправляло государство на освоение восточных земель. Затем в Сибирь пришло купечество в поисках новых источников сырья и нового спроса на товар. Их сопровождало духовенство, так как везде нужно было освещать города, остроги, дороги и др. Нельзя не заметить, что если до начала XIX века в Сибирь переселялись преимущественно выходцы из северных губерний, привлекаемые в этот край богатыми пушными промыслами, то в XIX веке, особенно в 1840-1850 гг., когда крепостное хозяйство находилось в глубоком кризисе и началось уменьшение крестьянских наделов земли в пользу помещиков, население Сибири стало увеличиваться за счет черноземного центра, Поволжья и Белоруссии. В Сибирь отправляли государственных крестьян, посадских людей и служилых людей (чиновников) для заселения новых губерний. Во времена реформы Никона в Сибирь бежали и староверы, так как их религия была запрещена. Население Сибири пополняли и ссыльные люди, негодные царской власти. Ссылка в Сибирь в XVII веке была бессрочной, и местным властям строжайше запрещалось посылать ссыльных из Сибири в Москву с какими-нибудь административными поручениями.

В области сибирского краеведения ученый Б.Е. Андюсев посвятил свои работы обществу, ценностям культуры, традициям и ментальности русских старожилов Приенисейской Сибири XIX начала XX вв., Г.Ф. Быконя исследовал историю Сибири XII-XIX вв., Н.С. Щукин изучал этнографию Сибири.

Приложение 2.

Анкеты русских и китайских студентов